

Амторпач
62

МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

**РУБЦОВСКИЙ ЦЕНТР Г. ВОЛОГДЫ
ВОЛОГОДСКИЙ СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ-КРАЕВЕДОВ**

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

62

**Вологда
2012**

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий Максимов. «Люди, избавляйтесь от иллюзий...»	3
ИЗБРАННОЕ	
Михаил Григорьев	4
Леонид Вересов	5
Николай Бушенев	6
Игорь Воробьев (1931-2002 гг.)	8
Мария Суворова	9
ГОСТИ НОМЕРА	
Александр Киреев	12
Вера Гундарева	14
Валентина Толкунова	15
В МИРЕ РУБЦОВА	
Леонид Вересов. Стихотворение «В кочегарке» — пример несомненного успеха в раннем творчестве Н.М. Рубцова	20
Галина Мартюкова. Перечитывая письма Вячеслава Белкова	26
КОРОТКАЯ ПРОЗА	
Юрий Максимов. Полотер и Президент	29
КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА	
А.Романов. Константин Батюшков в Париже	36
Валентина Чусова. «И жизнь, и к Родине любовь...» (О К.Н. Батюшкове и Хантапове)	37
Виктор Бараков. Идол нового времени	43
Владимир Кудрявцев. Осень великой нации	45
Размышления над книгой Галины Шекиной «Астрофиллит»	51
Елена Максимова. Что значит «быть поэтом?» (Заметки о творчестве Николая Бушенева) ..	53
Владимир Бесперстов ОДИН ИЗ НИХ	57
ГРАФИКА	
В.М. Бакуменко. Предисловие к статье В.И. Кунташева	62
В.И. Кунташев. Что такое экслибрис?	65

* * *

*Люди, избавляйтесь от иллюзий,
Хватит слыть страпою простаков,
Нахлебались досыта в Союзе,
А теперь в плену силовиков.*

*Поглядите, как они жируют,
Обставляя барственный уют,
Напоказ убогости шикуют,
Возмутишься — запросто убьют.*

*Правды не ищи, давно украли,
За неё придётся воевать,
Долго мы, конечно, прозревали,
Только бы теперь не спасовать.*

*Улицы народом запрудили,
Несогласных — море, не ручей,
Даже пессимистов удивили,
Откровеньем сказанных речей.*

*Наверху похоже растерялись,
Разом изменили прежний тон,
Не иначе бунта испугались,
Неохота драпать за кордон.*

Юрий Максимов
Питер. Январь 2012 г.

Избранное

Михаил ГРИГОРЬЕВ

* * *

Я всякий раз у осени в плену...
Грусть увяданья и печаль ухода
Всё рвут во мне тревожную струну,
Сильнее и сильнее год от года.
Как мимолетно счастье красоты...
Всё дорогое сердцу — хрупко в мире,
Жизнь — краткий путь на краешке

мечты,

Незваной гостью на бессмертья пире.
Непостижима тайна бытия,
Осознавая, чувствую до дрожи...
Что так безмерно жаль, ни ты, ни я,
Оплавав сердцем, выразить не можем.

9 сентября 2011 г.

* * *

Полнолуние, и что-то не спится,
Знать, курить и курить на повети,
Слушать пенье встревоженной птицы
Да грустить о промчавшемся лете.
И за озером в спящей деревне
Кто-то долго все теплит оконце,
А луна проплывает царевной
В главной роли полночного солнца.
Ни приметы эпохи, прогресса,
Почивает лесная округа,
Лучший лекарь безжалостных стрессов
И других излечимых недугов.
Мир волшебен в серебряном свете,
И в душе это чудо случилось...
Иногда нас неожиданно отменит
Светлой радостью высшая милость.

29 августа 2011 г.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег — доброты неизбежность,
Запоздало, а то и до срока,
Первый снег — это робкая нежность
К нам спешащей зимы издалека.

Белый снег — пробужденье надежды
На грядущее — светлое тоже,
Вот земля поменяла одежды,
Значит, прежними быть нам не гоже.
Первый снег — неизбывное чудо,
Обновленья желанная радость,
Как подарок судьбы ниоткуда,
Добрый знак, мирозданья награда.

Ноябрь 2011 г.

* * *

Осень в сырых лохмотьях —
плакальщица мирозданья и
Вечный сюжет о брэнной
сущности бытия,
Рано иль поздно — слышим:
ведь и о нас рыданья
Ветра с дождем угрюмым,
чувствуем — ты и я.
Нет, не пугает вечность;
жизнь состоялась все же,
Счастье и радость — были,
не без потерь и бед,
Дети уже и внуки
прочих надежд дороже,
Пусть они будут самый
добрый на свете след.
Нам полюбить, что свято:
чудо рассветов росных,
Трав луговых цветенье,
дивный лесов наряд,
Нежность заветных песен,
и удалых, и грустных,
Жизнь все равно прекрасна,
пусть хоть что говорят.

Октябрь 2011 г.

* * *

Есенин в Вологде был дважды,
К собрату приезжал, поэту,
Факт удивительный и важный,
Но плохо помним мы об этом.
Венчался в маленькой церквушке
В селенье Кирики — Улиты —

Уж храма нет, давно разрушен,
События прочно позабыты.
В нас зачастую все без меры-
Беспамятство неистребимо,
И нет ни улицы, ни сквера,
Есенина носящих имя.
Ущерба нет поэта славе,
Да только дело ведь не в этом:
Наш город позабыть не вправде,
Что знал великого поэта.

Октябрь 2011 г.

* * *

Наш маятник рока —
по-русски, с размахом,
Из крайности в крайность
нам любо издревле,
Из страха, покорства —
на бунт и на плаху,
То мир на дыбы —
то притихли и дремлем.
От Бога — к Антихристу,
гробя святыни,
В ГУЛАГа кошмар —
вместо рая земного,
Но всех сберегли
от германской гордыни,
И русским Икаром
был мир очарован.

Но бедствовал нищий
народ-победитель,
Зарей коммунизма наелись до зуда,
И новый явился нам змей-искуситель,
За ним и второй из колена иуды.
Державу отдали кромсать по-живому,
Той крови уже никогда не измерить.
Дан к счастью был старт —
и к Тельцу золотому
Рванули, опять безрассудно поверив.

Но только иным дали фору по блату,
У них теперь недра, заводы и банки,
Народ, долгожданной свободой
богатый,
Надолго запомнит Бориса на танке.
Судьбы нашей маятник рвет

амплитуду,
Взлетел непомерно сильнее и выше —
Не рухнул бы только —
доверимся чуду
Да Богу помолимся, может, услышит.

Леонид ВЕРЕСОВ

СКИФЫ

На скифских курганах трава зелена.
Их корни деревьев прошлили.
Была здесь привольных кочевий страна,
И скифы могучие жили.
Тянуло в походы великих вождей.
Дрожали окрестные страны,
Когда за хвостами ретивых коней
Плелись их рабы, как бараны.
И в золоте чаш веселилось вино,
Когда племена пировали...
Их буйные страсти остыли давно
На скифских курганах печали.
Остался сейчас будоражащий вид
Блестящих витрин Эрмитажа.
Сарматов и скифов культуру хранит
Музейная строгая стража.

* * *

Прости любовь за все ошибки,
Им вопреки мотив простой
Играют солнечные скрипки,
И будоражит голос той,
С которой ветреные страсти
Не умилили свой порыв.
Своей божественною властью
Меня навеки покорив.

* * *

Любви знакомы горькие измены.
Иному, впрочем, сладок этот вкус.
Его перемешают непременно
Страстей порок и долга вечный груз.
В густом дыму надежды потеряюсь.
Её финал закутан далеко.
И сладко то, в чём подлинно раскаяюсь,
И тяжело, что было так легко.

* * *

Дожди осенние нависли,
Души туманят светлый фон.
И навевает грусть на мысли
Свинцовых капель перезвон.
Колечком съежилась природа,
Лес облачился в жёлтый фрак.

Жалею летнюю свободу
Под лай тоскующих собак.
В порывах ветренных ненастья
Пропало летнее тепло.
А мне бы только каплю счастья,
Но, видит Бог, не повезло...

* * *

Капля каплю поглотила.
Потекла с двойною силой
По оконному листу,
Размывая красоту
Закольных панорам.
Огибая тут и там
Тротуары из бетона,
Клёнов мокнущие кроны,
И зонты сухих людей
Под шагами площадей.
Вот и кончилось стекло.
Небо всё заволочло.
И не капля, а ручей
Льёт за шиворот ночей.
Дождь потоками бежит,
А природы внешний вид
Так и тянется к земле,
Разомкнув тепла реле.

* * *

Телефонные будки брошены.
Письма редко спуют по стране,
Теплоты и участия горошины.
Интернета засилье втройне.

Эсэмэски летят миллионами
По путям электронных оков.
Но жива ещё Русь перезвонами
И молитвенным шумом лесов.

Правит миром людей информация.
Прогорел, если к ней опоздал.
И спешит бодро русская нация
На концерт, в магазин, на вокзал.

Не сидится на месте насиженном.
Соблазняет людей новизна.
А мозги суетой обездвижены.
Флаг прогресса взметнула страна.

Условность козырнула воспитаньем.
Реальность не дала сойти с ума.
Любовь своим божественным дыханьем
Невнятности отбросила сама,

И потащился воз усталых планов,
И укрепились верность на века...
Рассеет без труда туман обманов
Горячая и трезвая строка.

Написанная пусть не в лучшем стиле,
Пусть далека от классики она,
А без неё нельзя. В подлунном мире,
С реальностью условности война.

Николай БУШЕНЕВ

* * *

Я ль не ценю январь?
В нём — серебро, янтарь.
В нём — малахит, топаз, —
елей, небес, глаз.

Мне ль он не люб за тишь
далее и добрых крыш,
за заповедность, глушь
чутких лесов, душ?

Ну и за то, что он
весельчаком рождён,
Может и пошуметь
(ежели есть медь).

* * *

Старый Новый год воспримем
с юмором.
Повод есть, так веселись, народ!
«Старый Новый» — это же оксюморон,
В общем, «передраги без невзгод».

«Горе не беда» — так часто молвится.
Выше нос, пышнее хвост трубой!
Пусть всё невозможное исполнится
Вопреки всему у нас с тобой!

* * *

Темнеет рано.
Светает поздно.
Весь день туманно.
Всю ночь беззвёздно.

Всю ночь безлунно
И бесфонарно.
Хоть и безлюдно,
А всё ж кошмарно.

Нет ни души тут.
Кругом бездушно.
Стреляй, души тут,
Коль тебе нужно.

Тут прокуроры
Забились в норы.
В законе воры,
Как прокуроры.

Во мгле эпохи
Продажны дамы.
Покорны лохи,
Элитны хамы.

Им козырь выпал,
Да вид усталый.
Взамен улыбок
Одни оскалы.

Ах, утончённость
Господ утехи.
Но обречённость
В их нервном смехе.

Глаза погасли.
Князь Тьмы у власти.
Террор тотальный.
Исход — летальный.

МУЗА

Ему,
ему,
ему за...
Ему за десять лет.
Я Му...
Я Мурр...
Я — Му-
за, —

Ещё и двух мне нет.

Куда, послав так мало,
Уходит он с утра?
А я всю ночь играла —
Теперь мне спать пора.

Приходит,
как проснусь я,
Примерно в два часа.
И мне он:
«Здравствуй, Муся!»
Обед...
И — кол-ба-са-а!!!

Кусочка не проглотит,
Хоть голоден,
как пёс,
А мне даст
лучший ломтик —
Я тронута до слёз...

Он с Му...
Он с Му...
Он с Музы...
Он с Музыкой знаком.
(Какой такой?!)
Я ж с Мурр-зой
Знакома —
с Мур-
зи-
ком...

Я видела в окошко
Его —
уже раз пять.
Я взрослая,
я — кошка.
Пустите погулять!

1996

* * *

Снега искристее костров.
В них — ливни звёзд горячие.
И месяц — нежный апостроф —
Наделкою колючею.
Мне боль
любви
не превозмочь.
Я одиноко праздную
Сверкающую эту ночь,
Бессонную,
контрастную.

ЛЮДМИЛЕ

Имя говорящее Людмила.
Всех мужчин Вы сводите с ума.
Ах, Людмила, всех собой затмила.
С Вами свет, а с тьмою прочих — тьма.
Но давайте-ка вопрос обсудим
Про взаимность. А ко всем Ваш пыл?
Несомненно, всем милы Вы людям,
А вот я хоть капельку Вам мил?

Ну, и коль Вы вылитая Ева,
Как пред искушеньем устою?!
Назовусь Адамом. С дивной девой
Хоть часок бы провести в раю!

14.01.2012

РОДИНОЙ АЛЁНЕ

Тот, кто рождён, оставить след
На свитках чутких душ,
Навечно сохранит свой свет,
Не канет в мрак и глушь.

Лучом строки оставить след,
Вот чудо из чудес.
Ведь для чего рождён поэт?
Чтоб дух наш не исчез!

Из света в муках рождены
Душевные слова.
Поэзия от чар луны
И солнца колдовства.

Хоть судеб путь неповторим,
Всё ж путь творящих схож:
Как мы живём, так и творим,
Иначе в слове ложь.

Игорь ВОРОБЬЕВ (1931-2002 гг.)

* * *

В моём не выпрленном краю,
Без пышных видов гор и моря.
Простую песню я пою,
С певцами лучшими не споря.
Она, как тихая Шексна,
Как поле северного края,
Быть может, чуточку грустна.
Но эта грусть её — земная.

* * *

Вновь в квартире
Тишь да сонь.
Дождь стучит ночной
Осенний.
А во мне
Поёт гармонь

Откровений
И сомнений.
А во мне
Звучит труба
Незаконченного дела;
Песни сердца,
Мысли лба
Не дают покоя
Телу.

О СТИХАХ

...Иные их штампуют,
Как носки, —
Любому критику
Они придется впору.
И вот читатель,
Словно от тоски,
Бежит от груд
Рифмованного вздора.
В них всё на месте.
Есть и строй, и лад,
И есть непринуждённое
Скольженье.
Но что уму
И сердцу
Говорят
Стихи, где нет
Ни мысли,
Ни горенья?!

ПЕЧАТАЮЩЕМУСЯ ГРАФОМАНУ

Скажи, певец,
Когда несёшь свой хлам
Издателя,
Ужели путь твой прям,
Как у пчелы,
Летающей с грузом мёда?
Пчела — поля,
А ты и огорода
Не облетел,
Но нынче ты — Хайям —
В издательстве,
Но, нет, не у народа...

* * *

Небесный купол звёздами обьят.
Рассыпались они по поднебесью,

Об остальном говорить осторожно, Не договаривая главного

БОЛЬ

Или небо впитало
Всю синь васильков,
Иль от неба
Вся синь васильковая
В поле...
Я прожил, как мне кажется,
Десять тысяч веков,
Десять тысяч веков!
И ни дня — чтоб
без боли,
Десять тысяч веков
Бесконечной резни,
Десять тысяч веков
Нескончаемой свары! —
То над Римом пылают
Пожара огни,
То Москву и Варшаву
Сжигают пожары...
Ну, один, ну, хотя бы
Один мирный день!
На планете резвятся
Любители драки...
Васильковое небо
Окутала тень
Хиросимы —
Очнитесь —
И тень Нагасаки.

Лишь бы не казалось затишье
Лишь бы не казалось время
и возможного,
безвременьем,
замедленным.

В Спаса-Всеграде —
 городе об одном дне,
Помню, гуляли по самой
 холодной воде,
По забелённым до блеска
 пологим речным берегам,
В поисках камушка с дырочкой —
 там, где росла трава,
Там, где стоял дом, и над домом
 текла река,
Там, где склонялись ветви,
 но ветви склонялись зря,
Там, где вели ступеньки в дом
 на второй этаж,
Нет больше первого вестника,
 дыма зимы,
Тоненькой струйкой взлетающего
 из трубы.
Нет больше Спаса-Всеграда —
 города об одном дне.
Дом мой дрожит под града
 жестоким боем.
Всё, что осталось мне — на дне —
 камешек из реки.

* * *

Белые травы растут, им не видно конца,
Дом мой стоит у крыльца самого себя,
Брошенный дом, он на крохотной линии сна,
Белыми травами выше трубы занесён сполна.

Дом мой с окошками в ряд,
на окошках — зола,
Рамы потрескались, шели,
как шрамы льда,
Времени нет ни на что —
для добра ли, для зла,
Летом кругом лишь трава,
а зимой — вода.

Мария СУВОРОВА

* * *

В Ханты-Мансийске —
 городе на пяти холмах,
 В городе, о котором никто не мечтает,
 О котором у нас вовсе не говорят,
 Проводишь серые дни и ночи,
 не так и мало,
 Всё то, что осталось, всё то, что можно
 Называть своими именами —
 отец да мама,
 Называть своими словами после меня:
 «Рассвет», «смотреть», «огонь»
 и «слава».

Летом горячие камни согреют мой дом,
В полдень поставлю чайник
на каменный стол,
Жар одолеет, и вскоре нагретый поддон
Белые травы сожжёт, почернеет сон.

* * *

Спускаться к воде, холодной
осенней воде,
По чёрной земле, по тёмным
шуршащим листьям,
Прижаться к тебе, держаться
рукой в рукаве
За стебли травы и влажной
рябины кисти.

И кажется всем, они лишь стоят
у воды,
У кромки воды, что станет
январским снегом,
И мимо пройдут, и, не повернув
головы,
Оставят вдвоём на фоне щемяще
сером.

На фоне картин, старинных
пейзажных картин
Бледнеет река, и меньше играют
волны,
И ты там одна, а, может,
не так — один,
Спустился к реке — холодной,
осенней, полной.

* * *

Озёрная вода по цвету брод
напоминала,
Когда мы маленькими были-жили,
Лежали на раскинутых цветастых
одеялах
И между ног ромашки зажимали.

И приносили мягкие игрушки,
Терзали их до слёз, до истерии,
И дёргали медведей
за потрёпанные уши,
Так больше никогда мы не любили.

Потом бежали в воду и, боясь
раздеться,
Натягивали майки до коленок,
Никак песчаного не находили места,
Ты уплывала, я кричала: «Лена!»

На берег возвращаться не хотелось,
Пока все силы прочь не уходили,
Снимали майки, и вода по телу
Стекала в воду — больше мы не были.

* * *

В городах на горах, евразийском
спинном хребте,
Километры уверенно движутся вверх,
В середине апреля на общей
для нас широте

Превращается снег,
как мне кажется, в свет.
А потом мне всё видится лето,
огненный змей,
Как он мнёт под себя голубое,
зелёное, небо, траву,
На воде, на реке ты становишься
рыбой, а я водолей,
Моем волосы, лопаем мыльный
пузырь наплаву.

Города на горах отличаются
большей напевностью слов,
На земле говорится не так,
отбивается чёткий слог,
И пришедшие с севера скажут тебе:
«Будь здоров!»

На востоке попросят трижды
переступить порог.
Только крик остаётся таким же,
что здесь, что там,
В городах на горах, евразийском
спинном хребте,
Вспомнишь лес, где кричали
друзьям, а они — нам,
В середине апреля в сосновой
родной широте.

* * *

Не столько смерть пугает,
сколько вечность,
Бессмертие, другая жизнь,
перерождение,
Подобно переходу дня на долгий
вечер,

Где в близости становишься
местоименем,
Иным телодвижением, обоюдным,
Безмолвным, чётким, но не ярким,
Где лист желтеющий
прозрачно-мутный,

Туман клубится от лица до пяток.
Кто может знать, насколько
это правда,

Где эта правда, за каким
предощущеньем,

Где виноватая не будет виновата,
Где не придётся никому молить
прошенья?

Прощенья робости наивной
и невнятной,

Забычивости, просто неуменья
Делиться настоящим до попятной,
До отрицания миротворенья.

Насколько смерть пугает, и настолько
Страшны слова, толкующие мысли,
Что за стеклом в стекле, в осколке...
И хочется лишь так, как если б.

СЛИВОВАЯ КОСТОЧКА

1.

упала
косточка
сливовая
на землю
я узнала
вкус твой
сахарный

вырастет
деревце
ветвистое
завтра

назовём
его Ваней
её Аней

2.

так начиналось новое
длинное сказание,
после грозowych туч на небе забрезжил
рассвет, и мои любовные признания
в спину и в губы, и в волосы без сил
вырывались,
только бы ты не успел понять, сколько
времени, вспомнить, что есть

кругом мир,
где ты, то ли человек, то ли актёр

в кино,
и пора идти быту на поклон, на облом
нежности

гусиным пером, мастеровым скребком,
чаем с печеньем, повседневной суетой
на остановке под расписанием

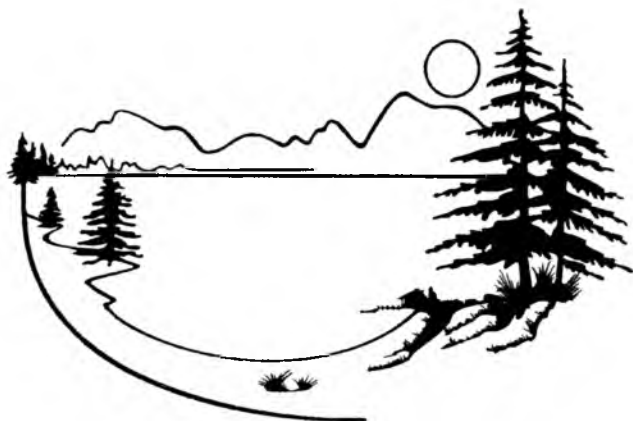
автобусов,
где десять минут — частота движения
обманная,

которой хотелось избежать уже не раз,
забыть в ранний час, что есть за окном
сцена-колесо и повторяющийся

спектакль
без зала и занавеса, без кулис
и актрис.

3.

ты ещё спишь.

Гости номера

Александр КИРЕЕВ

* * *

Велики снега.
Крепок в реках лёд.
Сном прошли века...
Так и наш пройдёт:
Всё поля да лес,
Всё дорога, даль...
Да родных небес
Голубеет шаль.
Тишь седых равнин,
Звёзд высоких свет...
На всю Русь один
Родился Поэт!

* * *

Чей наследник он?
Чей наследник здесь?
Он — народа стон...
Он — России песнь...
И святой канон
Полевой звезде,
Что хрустальный звон,
Слышится везде...
Коль пришёл Поэт,
Возликуй, страна!..
За Поэтом вслед
На порог — Война.

* * *

Спит приют в глуши.
В небесах — огонь...
Свет на дне души —
Ты её не тронь:
«Мне Господь — отец,
А Россия — мать», —
Не велит малец
Сиротою звать.
С той поры понёс
Из ночных полей
Свет высоких звёзд
Он в душе своей...

* * *

От когтей войны
Лечит раны край.
Нишь простор страны,
Благ сермяжный рай...
По нему пошёл
Странником Поэт:
И семьи лишён,
И приюта нет.
К жизни неземной
Влёк душевный пыл,
Но как сын родной
Он с народом был.
В глушь земных полей
Гнал велосипед:
Там любви своей
Он собрал букет.
Всякий труд цenia,
Книгу превознёс.
В нём день ото дня
Дух великий рос...

* * *

Нелюдим и прям,
От села далёк
К ледяным морям
Путь стальной пролёг...
На земле ты рос,
От неё крепчал —
Оглянись, матрос,
На родной причал...

Свет морских светил
В дальномеры бьёт:
И рыбацкий был,
И военный флот

* * *

Ткёт душа стихи...
А молва — во след:
Мол, из мест глухих
К нам пришёл Поэт,
Чьи слова средь туч,
Как просвет чисты
И светлы, как луч
Полевой звезды...

И как-будто рад
Красоте живой
Хмурый Ленинград
Над седой Невой.
На его камнях —
Века серебро,
Будто на конях —
Царское тавро.

* * *

Но мудра Москва:
Знает наперёд,
Что Поэт слова
Будто пули льёт.
Если зло вокруг,
Если чёрен свет
Не опустит рук,
Не смолчит Поэт...
И бессильна плеть —
Проще приручить
И по нотам петь
Смладу научить.
На тот случай есть
Славный институт,
Как в теплице здесь
Гении растут.
Только в тех стенах,
Где искусствен свет,
Что в миру монах,
Стал чужим Поэт...

* * *

И ушёл на блеск
Полевой звезды
В вышине небес,

В глубине воды...
Вновь Сухоны плёс,
Парохода след,
Шум родных берёз
И Николы свет...
Там его любовь,
Там родная кровь,
Там его беда...
Город Во-ло-гда.

* * *

Смолк каютный звон,
Общежитий гуд —
Неужели он
Свой обрёл приют...
В окнах вспыхнул свет —
Только ночь черна.
За Поэтом вслед
На порог она...
Если б знали мы,
Как следит за ним
Из вселенской тьмы,
Из немых глубин
Мёртвые глаза-
Ледяная стынь..
Плачут образа
Северных святынь.

* * *

И умолк навек
Тихий златоуст.
Край полей и рек
Сиротлив и пуст.
И течёт вода,
И в доли долёк
Светит сквозь года
Русский огонёк.

* * *

Край его берёз
Росами умыт.
Вот и внук подрос —
Будто дед глядит...
Вновь горит рассвет,
Вновь цветёт весна...
Но за парнем вслед
По пятам — она...

* * *

Канул в Лету век!
И вокруг села
Вновь крещенский снег,
Вся земля бела...
А его стихи
Всё звучат окрест:
Слышен и глухим
Этот благовест:
«Меж болотных стволов красовался
восток огнеликий...

Вот наступит октябрь—
и покажутся вдруг журавли!»
И страна живёт.
Боль свою тая...
Ты воспел её—
И она — твоя.
«Журавлей» поют,
И поют «Букет»,
И до донца пьют:
— За тебя, Поэт!

Сентябрь-октябрь 20011 года

ВЕРА ГУНДАРЕВА

* * *

Мне пух тополиный щекочет лицо,
Под ноги ложатся прохладные тени.
Вдруг вижу — навстречу шагает
Рубцов, —
Киреев послал его к Фокину Гене.
В пути издержался. Котомка пуста.
В ней разве что чёрного хлеба
горбушка,
Да строчки стихов на тетрадных
листах,
Да всякие виды выдавленная кружка.

Такая большая Сибирь позади.
Приморье раскинулось в лёгкой
истоме.
Зову его:» Коля! Рубцов, погоди!
«Рубцовская горница» —
это в Артёме!
Пойдём, насладимся горячим
чайком,
Мечтали давно познакомиться
лично.
А после все вместе в Находку рванём
Всего-то четыре часа электричкой.

* * *

— Мы столько знаем о Рубцове
в приморском тихом городке!
Он брат родной мне не по крови —
По поэтической строке.

Его хвалили и ругали.
Он лёгкой доли не искал.
Своей дорогою шагая,
Всем сердцем землю обнимал.

На куполах кресты темнели
На фоне гаснувших небес.
Он пёс (ах, все бы так умели!)
Любовь великую в себе.

Душой за родину болея.
Увидел ясно сквозь года —
Её захватчики-злодеи
Не одолеют никогда.

Он до сих пор по свету ходит.
Россия, сына пожалей,
Пока на тёмном небосводе
Горит звезда его полей.

Валентина ТОЛКУНОВА

23 февраля ветерану ВОВ Валентине Гордеевне Толкуновой исполнилось 95 лет. Здоровья Вам, и новых творческих удач!

РОССИЯ, РОССИЯ

Россия, Россия, ты в гнев страшна,
Расправь свои мощные крылья,
Чтоб снова воспрянула наша страна —
Избавь нас от рабства, насилия.

Мы верим в тебя, как в ночную звезду,
Что Млечный наш путь озаряет.
За райскую жизнь, за любезную мзду
Народ тех людей не прощает.

Пустые к правителям наши мольбы,
Москва погрязает в тумане.
Палатки растут, как в чащобе грибы,
Их множится доллар в кармане.

И мир раздвоился — потерян покой,
А спонсорам снится богатство,
Что плохо лежит — подбирают рукой,
Нахально в Российское братство.

Живи же, страдальца, множество лет,
Маяком будь народу в ненастье.
Пусть горит твой целительный свет,
Синей птицей вспорхнёт нам

на счастье!

Москва, 14 июня 1998 г.

САТАНА

Балканы, Косово, Белград
Бомбят хвостастые ракеты,
Их мощный взрыв, смертельный град
Не помнят жители планеты.

Взбесился, видно, Сатана...
Он испытал на людях силы.
Пугает НАТО, пусть война
Мир превратит в пустырь, в могилы.

А мир так хрупок и жесток,
С годами он переменялся,
Как ржавый, согнутый клинок,
В борьбе за власть переломился.

Давно к нам тянется рука
Заокеанского правила,
И он поплёр наверняка
Мир запугать тенью могилы.

В руинах гибнут города.
Там гибнут старики и дети,
И журналисты навсегда
Погибли наши на рассвете.

В пучину тянут иногда,
Те люди доллара и бизнес.
С нуждою бродит беднота,
Растёт в России страшный кризис.

Кто верно служит Сатане...
С ним пьёт, гуляет на рассвете,
Он будет вечно в стороне
Держать могущество в секрете.

Москва, 1999 г.

НОРД-ОСТ В ОСАДЕ

Очнитесь в виллах, «господа»,
В хоромах, звёздные певички.
По миру шествует беда,
Наполнив жертвами больницы.

Мир нежный угнетать нельзя
Террором, пыткой, криминалом.
Его неровная стезя
Погубит жизнь одним ударом.

Как увлекательный «Бродвей» —
Концерты, доллары и слава.
Великий бизнес главарей,
Казну наполнила Держава.

В эфир вклинился Сатана,
Аллах планете угрожает —
В аду погибнет вся страна —
Неверных там огонь сжигает.

В Норд-Осте выстрел прогремел,
От сотрясения сникла сцена,
Заложник ахнуть не успел
В руках чудовишного плена.

Убийцы чёрные глаза
Под дулом зрителей держали,
Их не тревожила слеза
Детей сидевших мирно в зале.

Наш не один парламентёр
Был грубой силою отвергнут.

Враг был коварен и хитёр.
Он мог к оружию прибегнуть.

Взрывчатку страшную врага
Чеченка в пояс держала,
Её дрожащая рука
Смертельный груз оберегала.

Почти три ночи без еды
Голодных зрителей держали.
От страшной смерти, от беды
Сыны России их спасали.

Норд-Ост трагичный штурмом взят,
Спецслужбой храброго отряда.
Мир не забудет тех ребят,
Чьим подвигом снята осада.

Дождём омытые в ночи,
Машины «скорые» мелькали,
В толпе, волнуясь, москвичи
С тревогой детей своих искали.

ГОД ВИСОКОСНЫЙ

Год високосный двухтысячный год,
В чём твоя добрая слава?
Ты, ясновидящий, губишь народ,
Богаче не стала Держава.

В кармане твоём не водились гроши —
Ты доллары в пачках считаешь.
За взрывы в метро, Чечни барыши,
Банкноты с лихвой получаешь.

Ты, високосный, с Сатаной в ладу.
Он видит во всём свою прибыль.
За жертвы свои, за пожары в году,
Несёт нам страданье, погибель.

Россия воспрянет! Недолог твой век
Над нашим народом глумиться.
В великой стране трудовой человек
Работой, семьею гордится.

Баренцево море, пенясь, штормит,
О берега волной ударяет.
Там в глубине Субмарина лежит,
Гибелью мир потрясает.

Гордостью русского флота была
Лодка подводного царства.
Всем экипажем присягу дала
Верно служить Государству.

Их более ста. Офицер и матрос
Рядом на вахте стояли.

Мощный удар отсека первый разнёс —
Мирную лодку из стали.

Слухи тревожные, пустые слова —
Мы ищем во всём оправданье.
В чутких сердцах эта лодка жива,
Прекрасных тех рук созиданье.

Мы верим и будем с надеждою ждать
Сынов на поверхности моря,
Чтоб каждый матрос мог спокойно
лежать

В земле материнского горя.

А там на холодном морском берегу
Вопли, рыдания, слёзы...
Мелькнул из ромашек венок на плаву
И августа красные розы.

Москва, 18.08. 2000 г.

ГОД ГРЯДУЩИЙ

Год грядущий, о чём ты поёшь?
Над простором в бескрайние дали?
Миру — мир на крыльях ты несёшь,
Гоня прочь все людские печали.

Восхищаясь твоим волшебством,
Тебя люди встречают приветом.
Ты незримо войдёшь в каждый дом,
Обогреешь его ярким светом.

Чтобы злее позёмки мели,
Вопреки всем осенним угрозам,
Ты прикрыл все плешины земли,
Всё сковал ты трескучим морозом.

И свой путь у ворот января
Завершил, от Курил через сопки.
Берегла твою юность заря,
Разметая промёрзшие тропки.

В подмосковных дремучих лесах
Будешь грезить с заснеженной елью
О застолье, весёлых пирах,
О торжественном вальсе с метелью.

А у ёлки седого Кремля
Созерцать будешь гордость плане-
ты...

Детский мир, голосами звеня,
Уведет тебя в праздник рассветы.

Ровно в полночь куранты Кремля
Отсчитают желанное время,
И тобой осенится земля,

И взойдёт твоё доброе семя.
ВИВАТ, РОССИЯ!

Уже шестьдесят прошло годин,
А Сталинград, как эпопея,
Стоит, как гордый исполин,
Любуясь Волгой, молодея.

Нет выше чести и наград —
Солдата мужество и воля,
Его решающий заряд
Принёс фашистам много горя.

Мы не забыли страшных дней —
Враг всё крушил, уничтожая.
Матёрый фриц был нас сильнее,
Нашу гибель приближая.

В кровавых оргиях войны
Мы хлеба досыта не ели.
Победной ждали мы весны,
Как солнца в радужной капели.

Наш орудийный залп не смолк.
Сталин, Жуков, Рокоссовский
На немцев двинули танков полк,
Приблизив нам салют московский.

России гордое лицо —
Над картой маршалы трудились...
«Котёл» врага замкнуть в кольцо,
Чтоб фрицы в нём не копошились.

И двести дней в огне, в дыму,
В руинах гибло всё живое,
Катюши наши рвали тьму,
Врага страшая свистом, воём.

Солдатом русским был пленён
Фельдмаршал Паулюс со свитой.
Шатались, взятые в полон
Остатки армии разбитой.

Виват, Россия! Виват, Москва!
В эфир летят любви призывы.
Как светлый луч через века
В делах живут Петра мотивы!

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ВАЛЬС

Широкий Днепр волной играет,
Вербу ласкает над водой.
Ведь Президент наш прилетает
Со свитой, посланный Москвой.
Москва и Киев, снова служба

Их повенчала навсегда.
Ах, как, поверьте, было нужно
Всё это раньше, господа!

Двух лидеров мы видим вместе,
Зонтом прикрытых от дождя,
Идущих рядом к миру, чести,
О жизни, судьбах говоря.

Их майский день соединяет —
Двух Президентов скромный гид.
А Днепр с вербой печаль смывает,
Всё горе, нечисти, обид.

Наш Севастополь, флот бывалый
Решил наш Лидер отстоять.
Российской щедростью немалой
Сорок миллиардов в срок отдать.

Но у судьбы большая сила —
Сберечь Россию навсегда,
Она законно возвратила
Наш Севастополь на года.

И вновь крещённые народы
Соединила вмиг Москва,
И в Севастополь в день свободы
Пришла желанная весна!

И майским солнышком согреты,
Стоят на вахте корабли,
Цветущей зеленью одеты —
Небесный рай родной земли!

В ночи на счастье там зажгутся
В причале яркие огни,
Вальс с Севастополем вернутся
К танцующим парам до зари.

Ура, сыны! С какой силой
Вы Севастополь обрели!
Вернули флот — гордость России!
Поклон вам низкий до земли!

Москва, 28.05. 2010 г.

ИЛЬИЧУ

В лучах играя, солнце млело,
К России нежность не тая,
Сто тридцать вёсен пролетело
С рожденья гения, вождя.

Светило помнит: в день ненастья
Вдруг зазвенела птичья трель,
И в мир, сияющий от счастья,

Явился с отроком апрель.

Застыл над Волгой стон бурлацкий,
Степь огласил народный клич,
Где жил чуваш — бедняк батрацкий,
Рос мальчик, по отцу — Ильич.

Сто тридцать вёсен миновало,
А он в граните молодой,
С улыбкой смотрит, как бывало,
Слегка кивая головой.

И в нашем юном поколении,
В народной мудрости, в делах,
Он всюду с нами: имя Ленин
Звучит на разных языках.

Его рождением согрета,
Над Волгой вспыхнула заря,
И лик свой гордая планета
Склонила к звёздам Октября.

КУРСКИЕ СОЛОВЬИ

Замер лес, опалённый войной,
Соловиная трель не зальётся,
Здесь из ада под Курской дугой
Фриц с победой домой не вернётся.

Где смертельно стонала земля,
К тем окопам, с бойцами проститься,
Пробиралась украдкой зоря —
О погибших, живых помолиться.

Пятьсот танков врага не спасли,
Не спасла их пехотная сила.
Наша армия с Курской земли
Их гнала и нещадно косила.

Мир прекрасный запуган войной,
Догорали пантеры и тигры,
Фердинандов раздавленный строй
Завершил все кровавые игры.

В ставку Гитлера сводки летят,
В них отчаянье, ярость, тревога...
«Шлите помощь, — депеши вопят —
Нас погибло бесчисленно много»...

Солдат русский без усталы прёт,
Оставляя сожжённые плечи,
Бомбовоз их по-зверски ревет,
Как в лесу разгулявшийся леший.

Путь обратный позорен всегда —
Фриц едва уносил свои ноги...
Орёл, Белгород, Воронеж — сдаёт города,

Позабыв все в России дороги.

Чтобы вызволить наших людей
Из сырых казематов живыми,
Наш солдат был могуч и мудрей,
Его подвиги были святыми.

ТОСКА

Она везде всегда,
Мне заменила друга.
Где горе, где беда —
Она моя подруга.

Придёт и вновь скулит,
Слезой туманит очи...
Вдруг сердце заболит,
Страшной холодной ночи.

И только один миг
Её лишь приголубит,
Тот задумчивый стих,
Тот друг, который любит.

Весною мир звенит —
Проснулась вся природа.
Тоска уйдёт в зенит —
Воспрянет жизнь, свобода!

МАДОННАМ ВЕКА

Женщины мира, великой планеты!
Ваши улыбки, как в море рассветы.
В дружбе тверды ваши руки в пожатых,
Ваши свежи поцелуи в объятьях.

Жизнь продолжать — есть ваше
призвание!

Деторожденье — в семье ликование!
Ваше тепло материнской любви —
Импульс к истоку: русло в крови.

Самое светлое ваше желание —
Мир сохранить от пожаров, страдания.
Чтоб по весне, пробуждаясь, земля,
Нас всех пленила, как Звёзды Кремля!

Помню музей. Я с толпой в салоне,
Взгляд всех прикован
к Сикстинской Мадонне,
Там, где младенца блистал идеал,
Замер в восторге торжественный зал.

Знал Рафаэль: в продолжение века,
Он утверждал на холсте человека,

Пусть будут алыми ваши рассветы —
Мир не допустит смертельной ракеты.
Праздник наш светлый,
 воспетый трудом,
Безоблачным счастьем войдёт
 в каждый дом!

МАЛЫШУ

И я знаю, что буду красивым,
Добрым, ласковым, нежным котом.
Только б Боженька дал маме силы.
Не забуду я мамочкин дом.

Москва, 1999 г.

СТИХОТВОРЕНИЕ «В КОЧЕГАРКЕ ПРИМЕР НЕСОМНЕННОГО УСПЕХА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Н.М. РУБЦОВА

К теме труда Рубцов обращался в своих стихах нечасто. Некоторые ранние стихи Рубцова были посвящены нелёгкому труду рыбаков, включая знаменитое «Я весь в мазуте, весь в тавоте, зато работаю в тралфлоте...». Лирику от природы было неумоготу воспевать казёнными словами героику трудовых буден. Об этом много писалось в те годы книг, газетных и журнальных статей, да и «поэзия» рифмовала труд, мир, май очень бойко.

Обращение Рубцова к профессии кочегара в своём произведении, конечно, автобиографично. В 1952–1953 гг. будущий поэт ходил в море подручным кочегара, да и по воспоминаниям Г. П. Фокина, флотского друга Рубцова, он часто спускался к кочегарам во время прохождения действительной военной службы на Северном флоте.

«В нашем кубрике на юте нашего эсминца, где жили кочегары и машинисты из БЧ-5, Коля бывал часто. Брал гитару или гармошку (напомним, что он служил в должности дальномерщика. Прим. Автора.) и, сидя на рундуке, начинал петь. Это были песни как знакомые, так и незнакомые, только потом я понял, что пел он Есенина, и свои стихи, и ещё какие-то». Из письма автору статьи Г. П. Фокина, январь 2010 г.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что газета «Рыбный Мурман» 20 июня 1959 года печатает стихотворение старшего матроса Рубцова «Кочегар». Приведём его полностью как первый подготовительный этап к

несомненному раннему шедевру поэта — стихотворению «В кочегарке».

*Глухо гудит котёл.
Шлак, охлаждаясь, парит.
Крепкий чугунный пол
Угольной пылью покрыт.
Здесь, инструментом звеня,
В топках разводит жар
Весь в отражении огня
С ломом в руках кочегар.
Вот он с лица и рук
Пот полотенцем стёр.
Дух переводит: «Ух!»
И достаёт «Беломор».
Но затянувшись дымком,
С жадностью раз и другой,
Снова с тяжёлым гребком,
Ринется в пар и зной.
Всё — и жара, и пот
Стало привычным тут.
Смелый, он любит флот!
Сильный, он любит труд!*

Н. Рубцов, старший матрос.

Рубцов ещё только нащупывает свой поэтический мир, те темы и манеры их раскрытия, которые впоследствии станут откровением в поэтическом мире.

Приведём выдержки из письма Н. Н. Шантаренкова, друга юности поэта, автору статьи от 17 июля 2006 года как пример, иллюстрирующий отношение Рубцова к современной ему и распространённой тематике стихов. Это, правда, относится к другому стихотворению поэта. «Читал

ли он нам и что? Что не помню. Да, читал. Он любил что-нибудь прочитать в ходе утреннего разговора, когда у него было хорошее настроение. Например, однажды утром в воскресный день, встав с постели, заправляя свою койку, он рассказывал, как читал матросам на сейнере «Я весь в мазуте, весь в тавоте...» Я читаю, а они хочут и восторженно хлопают. И сам смеётся. Что, думаю, смешного, почему он смеётся? Только много лет спустя я понял, почему он смеялся. Ведь стихотворение-то не «производственное» (это приветствовалось в те годы). Стихотворение — лирика (это не приветствовалось, в те годы было другое представление о лирике). Поэтому смеялся он (Рубцов) тому, как ловко он упаковал свою лирику в производственную тему, и стихотворение напечатали в местной многотиражке, включили в праздничные программы и т.д. Это во-первых, а во-вторых, Рубцов в тралфлоте служил (работал. Прим автора) когда? В 1952-53 годах. Стало быть, уже в те годы это стихотворение было написано. (Этот факт написания и публикации автор статьи предлагает доказать или опровергнуть архангелогородцам или мурманчанам, заинтересованным в истине по Рубцову.) Оно, конечно, могло иметь несколько иное содержание, он любил дорабатывать свои стихи, применяя найденные образы к различным ситуациям. Но какой-то вариант его был уже тогда».

Н. Н. Шантаренков рассказывает в письме о годах совместной учёбы с Николаем Рубцовым в Кировском горнохимическом техникуме в 1953—1955 гг.

Итак, стихами о трудовых буднях и героическом труде по построению

коммунизма были переполнены газеты тех лет. И в этом потоке поэзии стихотворение Рубцова «В кочегарке», хотя и звучит в унисон с одной из главных тем стихов той поры, но всё же отличается конкретностью, знанием исходного материала (труда кочегара), нетривиальностью подхода к раскрытию, яркостью языка, силой убеждения.

Думается, и сам Николай Рубцов понимал, что это стихотворение удалось, и что оно будет печататься редакторами советских изданий как сильная, талантливая, убеждающая вещь.

Только в 1960 году в четырёх различных газетах Рубцову удалось разместить стихотворение «В кочегарке». Вот первый вариант этого произведения. Газета «Трудовая слава» г. Всеволожск Ленинградской области от 13 марта 1960 г.

В кочегарке

Бьётся в топке пламень белый,
Белый-белый, будто снег.

Жилистый и смуглотелый
Возле топки человек.

Вместо «Здравствуйте»

— В сторонку! —

Крикнул — новенький, кажись?

И добавил, как ребёнку

Мне:

— Смотри, не обожгись!..

В топке шлак ломал с размаху,

Раскрасневшись от жары.

Проступали сквозь рубаху

Потных мускулов бугры.

Бросил лом. Платком утёрся,

На меня глаза скосил.

— А тельняшка, что, для форса? —

Иронически спросил.

Я, смеясь:

— По мне, для носки

Лучше вещи нету. Факт.
— Флотский, значит?
— Значит, флотский.
— Что ж, неплохо, коли так!
Кочегаром, думать надо,
Ладным будешь, — произнёс.
И лопату,
Как награду,
Мне вручил. — Бери, матрос!

В жизнь, конечно, входит атом.
Атому хвала и честь.
Но кой-где ещё лопатам
Тожё много дела есть!..
И теперь я тожё с жаром
С ним тружусь,
с дружкой,
на пару,
Будто отдан был приказ:
Стать хорошим кочегаром
Мне, ушедшему в запас!

Подчёркнутые слова и строфы были изменены Николаем Рубцовым уже в следующем варианте стихотворения, напечатанном в газете «Советский флот» 24 июня 1960 года.

В кочегарке

Вьётся в топке пламень белый,
Белый-белый, будто снег.
Чёрный, злой, тяжелотелый
Возле топки человек.
Вместо «Здравствуйте» —
В сторону! —
Крикнул. — Новенький, кажись.
И добавил, как ребёнку:
— Тут огонь, не обожгись!
В топке шлак ломал с размаху
Ломом, красным от жары.
Проступали сквозь рубаху
Потных мускулов бугры.
Бросил лом,
Платком утёрся.

На меня глаза скосил.
— А тельняшка, что, для форсу? —
Иронически спросил.
Я смеюсь.
— По мне для носки
Лучшей вещи нету, факт!
— Флотский, значит?
— Значит, флотский.
— Что ж, неплохо, коли так!
— Кочегаром, думать надо,
Ладным будешь, — произнёс
И лопату, как награду,
Мне вручил, — Бери, матрос!
Как хотелось, чтоб подуло
Ветром палубным сюда.
Но не дуло. Я подумал:
— И не надо. Ерунда!
И с таким работал жаром,
Будто отдан был приказ
Стать хорошим кочегаром
Мне, ушедшему в запас.

Старший матрос запаса Н. Рубцов

Последние две строфы будут впоследствии изменены поэтом, они неплохи, но Рубцов стремится к гармонии и совершенству даже в отдельном стихотворении и строфе...

Матрос Рубцов только-только демобилизовался с Северного флота и поступил работать на Кировский завод.

Выдержка из автобиографии Николая Рубцова от 2.5.1967 г., написанной во время учёбы в Литературном институте им. Горького: «1952-1953 — работал кочегаром в Архангельском траповом флоте... 1959-1962 г. — работал слесарем, кочегаром, шихтовщиком на Кировском (бывшем Путиловском заводе в Ленинграде).

С большой долей вероятности можно говорить о стихотворении «В кочегарке» как о реальном случае, увековеченном в отличном стихотворении.

В газете «Вечерний Ленинград», стихотворение напечатано с подписью Николай Рубцов, кочегар — это были стихи из готовящегося к изданию сборника поэтов — кировцев к 30-ти летию литобъединения Кировского завода. В газете «Кировец» Кировского завода стихотворение «В кочегарке» подписано Ник. Рубцов кочегар жилотдела. Интересно, в этом варианте четверостишие про «атом», т.е. прежде, чем окончательно отказаться от этой строфы, Рубцов пытается её улучшить, но видимо она его не удовлетворяет в принципе.

*В жизнь конечно входит атом
Но пустая это спесь —
Говоришь: «В музей лопаты»
И лопатам дело есть.*

Надо считать это забытым вариантом этой строфы Рубцова.

Анализируя тексты стихотворений в различных изданиях, понимаешь, насколько требовательно относился Рубцов к своим стихам. Вроде бы, первая публикация удалась, но некоторые строфы, образы не удовлетворяют поэта. И в следующие публикации вносятся поправки, уточнения мысли, находятся более ёмкие сравнения. Не знаю, кто ещё так дорабатывал уже напечатанные стихи.

Причём, у Рубцова «подобной шлифовке публикацией» были подвергнуты даже почти все бесспорные шедевры, т.е. несколько вариантов, причём напечатанных уже в газетах и журналах, имеются едва ли не у каждого произведения поэта.

Относительно небольшое количество стихов в какой-то мере можно считать «ахиллесовой пятой» по-

эта. Рубцов брал качеством поэтического труда, порой доходившим до гениальности...

Однако, вернёмся в стихотворению «В кочегарке». После 1960 года удача ранней лирики поэта тоже была востребована. Стихотворение публикуется в двух поэтических сборниках поэтов Кировского завода. «Первая плавка», 1961 г. и «Продолжение песни», 1963 г.

Фотографии сборников

Тексты стихотворения в них близки ко второму, приведённому в данной статье, варианту.

Газета «Труд» печатает видоизменённый вариант стихотворения в 1963 году. Сравните его с первоначальным, и, думается, всё будет понятно без комментариев. Изменена предпоследняя строфа стихотворения. В последней строфе — уход от конкретики (привязки ко времени демобилизации), более обобщённый образ. Трудно сказать, в каком варианте стихотворения последняя строфа лучше.

В кочегарке

*Бьётся в топке пламень белый,
Белый-белый, будто снег.
Сильный, видно, и умелый
Возле топки человек.
Вместо «Здравствуйте» —*

В сторону! —

*Крикнул. — Новенький, кажись.
И добавил, как ребёнку:
— Тут огонь, не обожгись!
В топке шлак ломал с размаху
Ломом, красным от жары.
Проступали сквозь рубаху*

*Потных мускулов бугры.
 Бросил лом,
 Платком утёрся.
 На меня глаза скосил.
 — А тельняшка, что, для форса? —
 Иронически спросил.
 Я смеюсь.
 — По мне для носки
 Лучшей вещи нету, факт!
 — Флотский, значит?
 — Значит, флотский.
 — Что ж, неплохо, коли так!
 — — Кочегаром, думать надо,
 Ладным будешь, — произнёс
 И лопату, как награду,
 Мне вручил, — Бери, матрос!
 ...Пахло угольным угаром,
 Лезла пыль в глаза и в рот,
 А у ног горячим паром
 Шлак парил, как пароход.
 Ничего, что много пота,
 Отблаженствуем во сне!
 Вот лицо моей работы —
 Пламя, белое, как снег.*

*Николай Рубцов
 Москва*

Однако в сборнике «День поэзии» (М., Л.: Советский писатель, — 1963 г.) стихотворение «В кочегарке» напечатано с окончанием:

*И с таким работал жаром,
 Будто отдан был приказ
 Стать хорошим кочегаром
 Мне, ушедшему в запас!*

Надо заметить, что в последний раз Рубцов разместил стихотворение «В кочегарке» в газете «Вологодский комсомолец» в 1967 году, и при жизни поэта оно более не печаталось. Не вошло оно ни в один прижизнен-

ный сборник поэта. Нет его в сборниках «Зелёные цветы» и «Подорожники». Не удалось сверить все подборки поэта в столичных журналах и выпусках «День поэзии». Однако, думается, темы стихов, которые Рубцов размещал в этих солидных изданиях, уже были истинно рубцовскими, которые сделали его имя известным и в известной мере «оппозиционным» шаблону, языку и вкусам поэзии советского периода страны.

Остаётся открытым вопрос: а в каком варианте печатать это стихотворение в часто издающихся сборниках его стихов. Видимо, надо печатать вариант газеты «Вологодский комсомолец». В этот «звёздный год» Николая Рубцова, как писал В. Белков, поэт, полностью доделал стихотворение и по форме, и по содержанию. Думается, Рубцов не включал стихотворение «В кочегарке» в свои лирические сборники не из-за художественных недостатков, просто в смысле тематического подбора стихов и сам поэт, и редакторы его сборников были очень строги. А у самого Рубцова к моменту книжных публикаций накопилось уже немало истинных шедевров.

Эту мысль очень хорошо иллюстрирует статья С. В. Чухина о книге Рубцова «Душа хранит», газета «Маяк», Вологодский район, 31 января 1970 г. «Привет, Россия!» В ней поэт Чухин прямо пишет о том, что некоторые стихотворения Рубцова неуместны в сборнике под таким названием, что они тематически выбиваются из прекрасно скомпонованного сборника с названием «Душа хранит».

«Нужно отметить, что некоторые стихи, включённые в сборник, теряют свою значимость. Может быть,

в других циклах они бы и прозвучали, но в цикле «Душа хранит» они не выглядят достаточно полновесными. Сюда можно отнести стихотворения «Не пришла» и «Наступление ночи».

Публикацией стихотворения «В кочегарке» в «Вологодском комсомольце» 20 октября 1967 года поэт Николай Рубцов простился с юностью. Кстати, в своём архиве поэт хранил одну газетную вырезку из газеты «Вечерний Ленинград» как память молодого вдохновения. (ГАВО, ф. 51, оп. 1, дело 293).

В заключение приводится список изданий периодической печати и коллективных сборников, в которых было напечатано это стихотворение.

13 марта 1960 г., Всеволожск, газета «Трудовая слава»;

26 апреля 1960 г., газета «Кировец» Кировского завода;

5 мая 1960 г., газета «Вечерний Ленинград»;

24 июня 1960 г., газета «Советский флот»;

Сборник «Первая плавка», 1961 г.;
Сборник «Продолжение песни», 1963 г.;

4 июня 1963 г., газета «Труд»;
1963 г., сборник «День поэзии» (М., Л.: Советский писатель);

20 октября 1967 г., газета «Вологодский комсомолец».

Должен заметить, что последние четыре публикации в списке совсем не приводятся в работах исследователей жизни и творчества Н. М. Рубцова.

Обращаю внимание читателей на заключительно четверостишие, которое забыто и игнорируется во всех современных публикациях стихотворения «В кочегарке». Вопрос для дискус-

сии рубцоведа: оставить привычную концовку стихотворения

*И с таким работал жаром,
Будто отдан был приказ
Стать хорошим кочегаром
Мне, ушедшему в запас!*

Или, следуя этическим нормам, всё же таки изменить её на последний вариант окончания стихотворения, опубликованного при жизни поэта в 1967 г.

*Ничего, что много пота,
Отблаженствуем во сне!
Вот лицо моей работы —
Пламя, белое, как снег.*

Предлагаю всё же в публикациях, в принципиальных случаях, печатать оба варианта последовательно.

*Л. Н. Вересов,
Вологодский союз писателей-краеведов*

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ПИСЬМА ВЯЧЕСЛАВА БЕЛКОВА...

8 августа 2003 года. Село Никольское. Рубцовские чтения. На чтения приехали представители Рубцовских музеев и центров из Москвы, Санкт-Петербурга, Череповца, Вологды, Дзержинска, Артёма Приморского края. Среди гостей люди, которые хорошо знали Николая Рубцова при жизни: Нинель Старичкова, Николай Александров, Татьяна Решетова, Лидия Гладкая, Евгения Буняк, Антонина Силинская. Конференцию вёл писатель Вячеслав Белков. В президиуме Александр Грязев, Елена Рубцова.

После конференции мы пригласили участников чтений на берег речки Толшмы. В мерцании вечернего костра звучали бессмертные рубцовские строки. Исполнители сменяли друг друга. Уже в сумерках решили сфотографироваться на память. Снимок сделал Андрей Кошелев, профессиональный фотограф из Москвы.

Спустя годы (прошло уже 8 лет) всматриваюсь в лица изображённых на снимке людей. Через несколько минут участники чтений займут места в автобусе, чтобы уехать в Тотму, а на следующий день все разъедутся по домам, с надеждой на новые встречи. К сожалению, некоторым из тех, кто запечатлён на этой фотографии, больше не доведётся приехать в село Никольское. И этот костёр для них станет последним, прощальным костром с духовной родиной Николая Рубцова. Нет сейчас с нами Нинель Старичковой, Николая Александрова, Юрия Кочина, Вячеслава Белкова.

С Вячеславом Сергеевичем Белковым мы познакомились по пере-

писке. Вернее это я ему написала, когда пришла в сентябре 1995 года на работу в музей Рубцова. Белков ответил сразу. Так завязалась наша переписка, которая продолжалась вплоть до его трагической гибели. В письмах мы обменивались «рубцовскими» новостями. Я интересовалась у Вячеслава Сергеевича мнением по интересующим меня вопросам. Он просил уточнить тот или иной момент из биографии Николая Рубцова, касающийся никольского, тотемского периода.

Прежде, чем написать свои воспоминания о нём, я перечитала все его письма. Вообще удивительная это вещь письма. Проходят года, а они хранят мысли, чувства человека писавшего письмо. И снова перед тобой его образ, как будто поговорила с живым человеком.

Хочу привести несколько строк из первого письма в музей, написано оно в сентябре 1995 года:

«Галина Алексеевна! Ваше письмо получил. Спасибо за внимание и приглашение сотрудничать с музеем. Буду Вас поддерживать по мере сил. Наш Рубцовский центр работает на общественных началах и нам мало кто помогает. Все говорят о великом Рубцове, а вот пальцем пошевелить не могут.

О музее у меня собственное представление. Во-первых, музей это надёжное хранилище и место общения. Во-вторых (хотя это главное), музей — это человек, который в нём работает. А дальше уже идёт исследовательская работа (если она получится), всяческая пропаганда. И т.д. ...»

В далёком 1995 году работа в музее для меня была новой. Многое о жизни и творчестве Николая Рубцова мне было незнакомо. Я перечитывала книги о поэте, читала его стихи. И как бы заново открывала для себя поэзию Николая Рубцова, о чём и писала Вячеславу Белкову.

Он очень хорошо меня понимал. Из письма в музей, октябрь 1995 года:

«Галина Алексеевна! Получил Ваше письмо. Рубцов — гений, и как всякий великий человек, он даёт нам силы, открывает целый мир, в том числе и в своём творчестве. Вам повезло, занимаясь музеем поэта, Вы найдёте в Рубцове духовную опору, и смысл и т.д. Почитайте книги тех, кто работал в музеях Пушкина, Есенина и др. Это к вопросу о Ваших сомнениях и огорчениях...

...Посылаю Вам пару вырезок, там есть и фото! Давайте и дальше искать и советовать. Всего доброго».

Из письма от 23 октября 1997 года: «Получил Ваше письмо. Спасибо за добрые слова о моей новой книжке.

Да, Вы правы — стихи Рубцова живут в душе, постоянно вспоминаются и как бы заново переживаются. Так всегда бывает с истинной поэзией. А стихотворцы поддельные лишь на время могут обмануть читателей, и то — лишь с помощью рекламы, прессы и т.д.

Если бы Вы знали, сколько раз повторял я про себя строки Блока, Есенина, Тютчева, Варлена, даже Ю. Кузнецова и т.д. А ведь я хожу по городским улицам — то есть тема строки не так важна, настроение её важнее, её звучание и красота...

Вы говорите — понял ли я Вас? Да как же мне не понять. Если я об этом уже больше 20 лет размышляю.

А в минуты горького уныния повторяю: «Будто о жизни и думать нельзя по-другому!»

Пишу сейчас повесть и пытаюсь какие-то рассказы доделать, но постоянно всё откладываю из-за рубцовских дел. Есть новые открытия, новые публикации. Посылаю вырезку, даже две. Конечно, Вам бы надо постоянно иметь областные газеты. И начинайте сами писать — сначала в районку, может быть».

Летом 1996 года произошла наша личная встреча. Я ездила с семьёй в Вологду, позвонила Белкову. Он пригласил меня к себе домой. Познакомил со своим собранием по Рубцову. Позднее, я ещё раз приезжала к Вячеславу Сергеевичу домой, когда он организовал музей в своей квартире. Встречались мы на рубцовских мероприятиях в Москве, Вологде, Санкт-Петербурге. Однажды, что бы поддержать наш музей он передал для продажи тридцать книг: «Повесть о Вологде». «Вырученные деньги используете на нужды музея».

И опять вернёмся к письмам Белкова. Из письма от 8 августа 1998 года: «Я сейчас пишу большой очерк: «Рубцов в 1969 году». Видимо он войдёт в мою новую книжку. А когда это будет, не знаю. Сейчас уже могу издать «полного Рубцова», но издатели хотят быстро, а это было бы халтурой. На это не пойду. Нужны точные комментарии, проверенные даты и т.д.»

Вот так он жил и работал. В исследовательской работе он был последовательным, скрупулёзным. Доверял только проверенным фактам, документам. Работал очень много: писал статьи в газеты, готовил целые газетные полосы по рубцовской тематике,

выпускал книги. «Жизнь Рубцова», «Первые итоги», «Вчера и сегодня», «Сто историй о Рубцове» и др.

Из письма в музей от 7 февраля 2000.: «Дела у нас идут, часто выступаю я в школах и т.д. с рассказами о Николае Рубцове. Сейчас вот болею, устал, поэтому долго писать не буду. Часто бывает мне грустно, потому что много уже неточностей намело вокруг Рубцова. И некоторые лукавят при этом — начиная с Астафьева, и кончая нашими незначительными земляками. Астафьев познакомился с Рубцовым в 69 году. Зачем же он хвастается, что первым услышал стихи «Достоевский» (1962 год) и в «Минуты музыки» (1966-1967 годы). Вот такие дела. Ну да Бог с ними. Всего Вам доброго. В.Б.»

Немало сил Вячеслав Белков отдавал изданию журнала «Автограф». Множество исследовательских работ о жизни и творчестве Рубцова увидели свет именно в этом журнале. Вот что пишет Вячеслав Белков в письме от 7 февраля 2005 года: «Свежий номер журнала должен выйти в июле, сразу вышлю. А потом будем делать специальный Рубцовский номер «Автографа», обещает быть интересным, выйдет, вероятно, в октябре. Много дел, много работы. А Вы, кажется, и не были ещё в нашем музее на Герцена 36. Сейчас там работает кроме прочего выставка: «Рубцов в экслибрисах», около 40 знаков, всё, что есть в России, впервые такая выставка».

Интеллигентный, немногословный, таким Вячеслав Белков остался в моей памяти. Он притягивал к себе каким-то особым, внутренним светом. С ним хотелось общаться. Его мнение всегда было интересно и важно.

За время моей работы в музее, в село Никольское Вячеслав Сергеевич приезжал один раз. Как раз на те чтения в 2003 году, о которых я писала вначале своего повествования. Конференция в тот день затянулась, докладчиков было много. Вячеслав Сергеевич предоставил слово всем, кто хотел выступить. Сам слушал внимательно, задавал интересующие его вопросы. Наверное, мало кто из участников чтений знает, что самому Белкову эти чтения достались с большим трудом. Уже тогда он чувствовал себя не важно. После конференции Вячеславу Сергеевичу стало совсем плохо, пришлось вызывать медицинского работника. После укола, почувствовав облегчение, он категорически отказался остаться в музее, пошёл вместе со всеми на берег реки. И, пожалуй, лишь усталые глаза, на той общей фотографии, выделяют его тогдашнее состояние.

После чтений от него пришло письмо: «Посылаю свою новую книгу, буду рад, если найдётся ей место в экспозиции музея. Рад, что побывал на чтениях, повидался с Вами, посмотрел новую выставку. Чтения, по-моему, Вы организовали и провели успешно. Движение любителей поэзии Рубцова стало истинно широким народным движением».

Вячеслав Сергеевич Белков многое успел сделать в этой жизни. Его имя навсегда будет связано с именем поэта Николая Рубцова. Но как же жаль, что он ушёл так рано! Как много он бы ещё сделал.

Как бы хотелось, что бы все мы научились ценить и любить друг друга при жизни.

*Галина Мартюкова.
5 декабря 2011 года.*

ЮРИЙ МАКСИМОВ

ПОЛОТЁР И ПРЕЗИДЕНТ

У порожка президентской библиотеки Макар Афиногеныч остановился, чтобы перевести дух. Оглянувшись, остался доволен увиденным. Коридорчик паркетный обработан на совесть. Блестит он, от ластики им натёртой так, что даже верхний свет глянцево в нем отражается. Знамо дело, постарался основательно. Сначала прошёлся по нему немецкой полотёрной машиной, а после ещё раз, уже ножной щёткой, с приглядкой старательной. Зато уверен, от такой доводки ни один стык возле плинтуса им не пропущен. Щётка у него своя, с твёрдым ворсом и кожаным ремешком, плотно ступню облегающим. Оттого под пяткой как влитая, хоть танцуй.

Вообще-то во Дворце он числится уборщиком внутренних помещений, куда пристроен по протекции подполковника Кривенко, одного из заместителей коменданта, у которого служит родной сын Афиногеныча, Родион, прапорщиком в охране. Оформляясь, проверяли долго, заставив заполнить длинную анкету и ответить на разные странные, по его разумению вопросы, вызвавшие у Макара Афиногеныча растерянное недоумение. Ну а эту, непрофильную работу, приходится ему выполнять в последнее время довольно часто, подменяя хворающего штатного полотёра Василь Карпыча, или же подсобляя тому шред большими праздниками, когда объявляется повсеместная авральная приборка. Дело, если прикинуть, не мудрёное, но

здоровьице надо иметь не хилое, иначе упаришься на первом же помещении, да и сноровка необходима.

Хоть Живицину уже под семьдесят, глядится он куда как моложе. Худощав и жилист, а здороваясь с ним за руку сразу поймёшь, насколько крепкая у мужика хватка. Недаром в деревне прожил считай всю жизнь, кроме службы в армии и тех двух с половиной столичных лет, когда перевёз его сын к себе, поскольку остался Афиногеныч бобылём, похоронив супругу верную, Елизавету Савватеевну. Не всякий, пожалуй, сынок поступил бы так, но здесь у младшего Живицина был свой резон. Ему квартиру поболее отхватить охота и шанс такой, как проведаль ушлый прапор, через его службу имеется, так что совместное с папашей проживание предполагалось не долгим.

Простодушие Макара Афиногеныча и его не шибко грамотная деревенская речь, не раз вызывали насмешки со стороны новых сотоварищей, именовавших деда за глаза лапотником, но на подобное отношение тот не обижается. Характер у него ровный, нрав терпеливый, а сметки и наблюдательности не занимать. Да и повидал на своём веку всякого, чтобы огорчаться из-за глупой людской смешливости. Как говорится — где обитался, там и словцов набрался. Не гоже теперь под кого-то ему подлаживаться. Главное, что новое существование вполне его устраивало. Трудится он на своём ме-

сте добросовестно, даже Кривенко его прилежание отметил, а такое поощрение от начальства кому не льстит?

Вытерев висящим на шее полотенцем потное лицо, поскрёб пятернёй зачесавшуюся подмышку. «Щас передохну маленько, — подумал Афиногеныч и перейду в библиотеку, — последнее на сегодня задание, а после ходом домой. Аккурат моя утренняя смена к восьми часам и закончится», — глянул он на циферблат старого хронометра, вытянутый им за шнурок из кармана армейского галифе, которые носил вместо положенной спецодежды.

В президентской библиотеке он был до этого всего дважды, помня строгое наставление заведующей о том, чтобы руками ни книг, ни подарков не касаться и ничего постороннего после себя не оставлять, а если последующая чекистская проверка обнаружит такое, виновнику не сдобровать. Открыв дверь осторожно вошёл. Его и в этот раз поразила внутренняя обстановка помещения, невольно радующая глаз любого пришедшего сюда.

— Книг-то, книг сколько, — обвёл он взглядом стоящие на застеклённых стеллажах красивые корешки разных изданий. Пожалуй их тут не одна тыща наберётся. Мудрёно, — нахмурил он лоб, — токо для учёных людей понаписано. А вот и подарки собраны, — залюбовался Живицин, посмотрев на хранящиеся за специальной витриной дорогие подношения первому лицу. Чего здесь только не было! Серебряный перстень размером почти с яйцо, инкрустированный драгоценными камнями, макет затейливого восточного храма в серебре, золотая чаша с эмалью на высокой ножке, а чуть дальше, миниатюрная колесни-

ца, запряжённая четвёркой лошадей и многое, многое другое...

Следом небольшой, но очень уютный круглый зал с дорогими шкафами из чёрного ореха, в центре которого окружённый двенадцатью стульями стол и искусственная клумба с цветами посередине. Здесь говорят главное лицо принимает самых важных персон и подношения от них. Из окон виднеется храм Василия Блаженного.

— Дудя любоваться, — остановил себя Макар Афиногеныч, — ты чай не затем сюда пришёл. Принимайся поскорее за своё дело. Время торопит. Паркет в зале наборный, из ценных пород дерева собран. Капризен в обращении, подавай ему токо натуральную вощёную мастику, тон в тон. И нажима сильного машиной не любит. Рисунок можно сточить или поцарапать краем диска по стыку. Тогда начальство разом заест. Реставраторы ещё набегут, заматерятся ядрёно. Не любят, ежли их тревожат. Всю эту премудрость он почерпнул от Василь Карпыча. Тот по этой части большой спец, собаку считай съел. Цельную жисть говорит провёл на паркетe, отчего коленки стёр до кости. Ходит ныне в раскоряку.

На этот раз обойдёмся без намазки коснулся он шершавой ладонью шёлковой глади паркетины. Вощёная основа ещё свежа, по ней и пройдуся, — решил Афиногеныч. Вона как заблестела дорожка после моей прощодки. Так неспешно и хозяйственно осматрительно, используя «немку» и собственную ногу со щёткой, он обработал библиотечное помещение и, сощурившись близоруко, отключил машину от сети, сматывая длинный кабель. Накинув на потную рубаху ки-

тель со споротыми погонами, позаимствованный им из вышедшего по сроку сыновьяго обмундирования, озорно козырнул висевшему над столом портрету государственника, как бы доложив тому, что работа им выполнена, а когда обернулся, увидел вдруг наяву его самого, неожиданно здесь появившегося.

— Уж не взыщите со старого дурня, — неловко попятился к выходу Живицин. — Неужто я так припозднился?

— Ничего. Просто я пришёл сегодня пораньше, — протянул тот ему руку. — Давайте знакомиться.

— Макар Афиногеныч Живицин, — не решаясь ответить сразу рукопожатием завешенной ладони, вытер он её о полотенце.

— Мне, полагаю, не надо представляться? — улыбнулся хозяин кабинета.

— Яснее ясного, — кивнул Афиногеныч, — кто же вас не знает...

— Если не очень спешите, может присядем?

— Не против, — приободрился от такого доброжелательного обращения Живицин, держась перед первым лицом совершенно естественно, без намёка на холуйскую угодливость.

— Тогда мы сейчас и побеседуем за совместным чаем.

— Согласный вполне. Токо я в рабочей одежде, — показал Макар Афиногеныч на свой старый китель и залатанные у колен галифе.

— Не беда, — снял трубку государственник, заказав чай и бутерброды на двоих. Ему отчего-то захотелось пообщаться с этим простым на вид человеком, с лицом типичного деревенского русака, невольно вызвавшим симпатию своим независимым видом и от-

крытостью, так контрастировавшим с окружающими его приближенцами.

Те всегда были готовы смотреть ему чуть ли не в рот, ловя каждое его слово, что вызывало раздражение от такого верноподданнического лицемерия. Занятно было бы послушать этого работоргу, всё же он представляет частицу простого народа. Может кое-что из его откровений покажется интересным, укрепил он себя таким соображением.

— Скажите, только без утайки, Макар Афиногеныч, как сейчас живётся трудовому народу? Вы, наверное, больше меня об этом знаете, общаясь между собой.

— Тута одним словом не обойдётся, — со вздохом отвечивал Живицин. Кто-то хорошо устроивши, другому хоть в петлю полезай. Большинство же — нищенствует, — кашлянул Афиногеныч. Вот талдычат, мы мол за демократию, а я зрю так: без грозного управителя, каким был наш Сталин, России теперича тяжко. Народ разом почувствовал слабину. Отседа и смута окраинная прёт. Токо со стен белокаменных беды людские глядятся в обманчивом отдалении. Ныне кто не крадёт, за дурака почитается, а бедняку с колен не встать.

— Работать надо честно, тогда и достаток придёт, не устаю я повторять, И ещё, законы соблюдать, — веско заметил государственник.

— Так ить законы писаны для подчинённых, а не для власти, — колко возразил полотёр. Не слыхали, чтоб министра вашего или шишку большую прихватили за упущения. Пожурят для блезиру и шито-крыто.

А сколь прямых злодейств по стране чинуши творят? Поди, подбери-ся к ним. Это у западников их креп-

ко шерстят. Намедни чуть президента французского не посадили, старые грехи его раскопав...

— И чиновники нужны, Афиногеныч. Все их клянут, но без них ни одно государство не обходится. Признай, бывает ли власть без злодейства?

— Не бывает, голубь мой. Без её правителям гибель верная. Потому тех, в ком она опаску видит, сразу берёт в оборот, чтоб скосырнуть наверняка.

К примеру, нашего генерала боевого, что хотел державу и армию возродить, мигом угробили, а в виновных жёнку евоную обвинили. А у ей сынок, больной тяжко, остался. Понятно, не могла она на такое пойтить, однако ж засудили.

— После её помиловали, — забарабанил пальцами по столу державник.

— Помиловать-то помиловали, а статью не сняли, — мотнул головой Афиногеныч. И никто правду-матку сказать не посмел. А захоти обмолвиться — язык укоротят. Выходит без душегубства не обойтись. На Руси власть завсегда кровушкой себя укрепляла.

— Вот и чай нам принесли, — поблагодарил хозяин вошедшую с подносом длинноногую красавицу. Пейте, пока горячий, — пододвинул он чашку собеседнику.

— Хороша заварочка, — отхлебнул чаёк Живицин.

— Ну, сейчас-то у нас, слава Богу демократия, — продолжил разговор государственник, с улыбкой помешивая ложечкой сахар. Прошное, как туча грозовая, миновало, не те уже порядки,

— Ох, — замахал рукой полотёр, — смешотно даже. Каждый раз сюды прихожу, все меня вроде знают, как облупленного, но чекисты ваши, всё одно,

до мудей шманают, будто бонбу прихвачу с собой или ещё что.

— Такая у них служба, — наиздательно подчеркнул хозяин. Вы, я полагаю, как бывший представитель деревни, знаете, что я часто езжу по разным губерниям, навещая селян, с которыми общаюсь безо всякой опаски. Замечаю, выправляется наше крестьянство.

— Не с того входа заезжаете, — отставил чашку Афиногеныч. Вот случай скажу. Позапрошлым летом самолично его наблюдал, — покривился он с ухмылочкой. К приезду какой-то важной персоны местная власть в нашем районе приготовилась основательно. Дорогу к ферме стахановски залатали, но спецом не до самого конца, а до развилки, потому выйдя с машины в городской обувке, дальше не ступишь. Навоз по колено хлюпает, на тракторе токо пропрёшь. Возле самой же фермы поставили набитых соломой фанерных коровок на колесиках, издаля они натуральнее гляделись, чем наше угробленное стадо. Упитанные получились и вымя у каждой чуть не до земли. А дояркам местным, которые без работы оставит, наказали этих самых чучелов помаленьку передвигать, будто пасутся они на травке всем довольные, и мычать за их. Чтoб натуральнее получалось, самогонки девам ещё плеснули. Молодухи хоть и хохочут, но не подвели. Персона со свитой с машин повылазевши аж замерла в восхищении. Ай-да молодцы, селяне! Тут же распили, что у их с собой припасено и загорлавив, что деревня наяву возрождается, укатали к себе на радостях. Так-то, уважаемый.

— Мда, карикатурно обрисовали, — сокрущённо покрутил головой державник. Неужто до такого доходит?

— Да ить ежли у народа поспрошать и не такое поведуют.

— И всё же народ и власть ныне едины, как никогда, — убеждённо произнёс хозяин. Все мы плывём в одной лодке...

— Оно конечно, — хмыкнул Живицын. Токо власть на руле, с нагайкой, а мы — загребные. Сами ж говорили, пашем как на галерах. Не обижайтесь, просили сказывать без обману, — пригнулся на всякий случай Афиногеныч, уловив построжавший хозяйский взгляд.

— Ну, а с богатыми что делать? Дай своё мнение, — в унисон народной речи Живицина, повернулся к нему лицом государственный.

— Арестуете ещё чего доброго, — зябко дёрнул плечом Афиногеныч. — И так я уже небось наговорил на срок.

— Смелее давай, — подбодрил его президент. Считай, что амнистия мной уже выписана.

— Прямо скажу. За «пишик» их и к «стенке». А капиталы изъять до последней деньги.

— Видишь, ничего нового я не услышал, — вскинул вверх брови хозяин кабинета. — Такое мы уже проходили.

— Может и проходили, — постно скорчился Живицын, — да плохо усвоили пройденное. Значится, надобно повторить, чтобы вора́м неповадно стало. Иного способа не сыщете, хоть к мудрецам первейшим обратитесь.

От честной работы не будешь богат, скорее горбат...

— И всё равно, нельзя так, снова на революцию повернём.

— Не успокоите обворованный народ, беду накликаете, токо она сто крат страшнее прежней станет. Зол,

шибко зол простой люд на свою жизнь, и в облегчение её уже не верит.

— Охо-хо, тяжко на душе от таких разговоров.

— Сами на эту тему меня завернули.

— А отчего сейчас раздрай меж народами пошёл? Я имею в виду распри с кавказцами и азиатами. Они же наши недавние соседи по державе. Вместе бы идти, взявшись за руки...

— Гусак придавлен, — доверительно наклонился вперёд Афиногеныч. — Беднее всех он живёт. Вона, Кавказу миллиарды отсылаете, а Россиюшка как была, так и прозябает. Обида наших мужиков берёт. И ещё наглость, с которой пришлые у нас определяют. На нашу земельку зарятся. Жильё им подавай, ряды торговые, чтоб себя обустроить капитально, а нас с родных местов выпихнуть. Не гоже так!

— Терпимее надо быть, Афиногеныч. Народ у них горячий, чуть что за кинжалы хватаются. Приходится идти на компромисс и таким способом...

— Так что ж, может и нам за топоры хватиться, как абрекам. Глядишь и нам деньгу тогда сыпанёте. А пока, чуть дашь им отпор, тебя в кутузку. Националистом нарекают и судют, за твою же правоту. По мне, давно бы пора Кавказ отделить. Не нужен он нам, мы без его проживём. Спокойствие дороже. Пушай они меж собой грызутся. Нам свой дом обиходить надобно, и здеся от их помощи не жди.

— И всё же смирнее следует русским быть.

— Эх, радетель, смирнее нас почитай никого на свете-то нет. Был бы на нашем месте другой народ, давно бы себя показал. Ведь как получается, пока мир, русаку рот затыкают, а

как прижмут державу, с поклоном к нему, мол обороны, родимый, братья-ми и сестрами тогда называют.

— Ладно, — прервал Живицина государственный, — чтим мы и христиан и мусульман и остальных. Помогать всем нужно.

— Не согласный я. Жить надобно каждой нации в своих пределах. Я же не лезу в ихний аул.

Чего они к нам прут? Пушай сами выправляюся, а так и свой пуп надорвать недолга. Прослышал от людей, — перешёл на доверительный шепоток полотёр, — что кавказцы, за то, что их сполна кредитуют, опорой власти намечены. Забунтует, скажем, наш народец, так их заместо ментов используют. Нашим-то в свой люд пулять жалко, а эти промашки не дадут, — многозначительно заключил он.

— Наговор, — отверг слова Афиногеныча государственный. — Придумка вражеская. Поглядите-ка на Европу, она давно переболела тем, чем мы хворы. Брать бы с неё пример...

— И снова возражение дам. У нас Рас-сея, — произнёс нараспев Живицин. — Мы жить по ихним меркам не приучены. Наш уклад тышу лет предками завешан. Чего рядиться под чужих? И законы заморские не под нас писаны. У их теперича в гомосеках модно рядиться, а для нас то срамота. Вона по телеку какой заразой за граница нас потчует. Душу воротит! А молодняк неразумный то дерьмо за добро принять готов. Разве ж терпимо греховодство?

— Здесь, Афиногеныч, ты отстал. Не понять тебе хода истории. Время быстро мчится и вашему поколению за ним не угнаться. Прости, но это так...

— Всё, что в жизни нами сделано, — блеснул глазами Макар Афиногеныч, — за то нынешним дедам не стыдно. И жисть свою клали и здоровье не щадили, не дожидаясь наград и премиев, как шас. Ныне же, всем деньга заправляют. Вот людишки с ума и посходили. Где бы власти ногою топнуть, чтоб унять чинуш-кровопийцев, так не, не дождёмси. А без грозного оклика их не приструнишь. Поневолё об Сталине народ заскучал. Тиранствовал? Да! Но и порядок держал, за что многое ему прощается.

— Нет, такого нам больше не надо! — укоротил полотёра государственный. Жить будем по демократии. Долго мы с тобой проговорили. Я с послами общаюсь короче. Сметлив ты, Афиногеныч, не отнять. Скажи напоследок, что ожидает, по твоему, нашу державу?

— Здеся я на одну огорчительность способен, потому светлого пути не вижу. Коробит к тому же, кады обращение господин, слышу. Муторно от того.

— И что тут предосудительного? Обычное вежливое обращение.

— Звиняйте. Коли господа появивши, так и холопы должны при них значиться. Как иначе? Без обслуги барины и порток не надеть. Нам же талдычат о равноправии. Неувязочка. Токо с её все беды и начинаются. У одних выходит, все права, у остального народа — обязателька.

— Не придирайся к словам.

— Эх, — в сердцах мотнул головой Живицин, — большой клин нынче меж людей вбит. От себя ещё добавлю, каким должен быть на Руси царь, чтоб народом управлять и держава не дробилась.

— И каким же? — с любопытством улынулся хозяин.

— Поясню наглядно. Вызвал к при-
меру он под свои грозные очи нера-
дивого министра. Вошёл тот, перекре-
стившись, глянул на владыку и замер.
Царь слово ещё не молвил, токо бро-
вью повёл, а министр уже обоссал-
си. Вот это царь истинный! А кото-
рый лишь на речи горазд, тот Расею в
кулаке не удержит. Никто его не слу-
шат, и указы не исполнят.

— Опять сталинщина, — помор-
щился государственник. Вроде с ней
покончили, а ты туда же... Огорчитель-
но слышать. Вот интеллигенция дума-
ет иначе. Не мешало бы поучиться у
умных людей.

— Те, которы при вас выются, ника-
ды наперекор не встрянут. Тем и кор-
мятся. Знамо дело — лизоблюды. Хоть
сажайте меня, но без грозного государя

России не спастись. Нет другой силы,
чтоб её скрепить. Побеседовали знатно,
на том спасибо, — поднялся Афиноге-
ныч. Ежели чего не пондравилось, не
обсудьте. Врать с детства не приучен.

— Может просьба какая ко мне
имеется? — протянул ему руку на про-
щанье хозяин.

— Есть одна, по мелочи, — замял-
ся Живицин. — Заплатили чтоб мне
за полотёрные работы, а не как убор-
щику. Бригадир одними обещаниями
пока кормит.

— Считайте, она решена.

— Благодарствую, — вышел за дверь
Афиногеныч, крикнув от неожиданной
подмоги, хотя всё одно, горбатиться
ему видать до конца. На нынешний его
пенсион не протянуть. Сучье, однако,
нонешнее времечко...

Итер. Декабрь 2011 г.

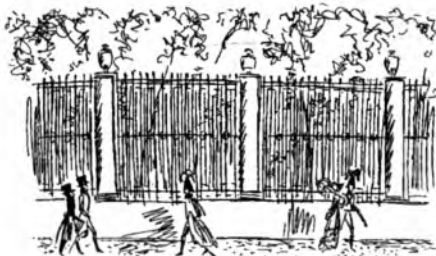
К 200-летию Бородинского сражения

А. РОМАНОВ

КОНСТАНТИН БАТЮШКОВ В ПАРИЖЕ

Как выстрел, грозное известье
Скатилось в утреннюю тишь:
«Вступают русские в Париж!»
И сразу дрогнули предместья.
Сшибались в панике повозки,
Храпели кони на мостах...
О боже! За пожар московский
Они Парижу отомстят.
...Полки торжественно входили,
И с высоты лилась, хмельная,
На гренадерские мундиры
Апрельская голубизна.
— Да здесь, ребята, красно лето,
Куда нас, братицы, занесло! —
Шинели бросив на лафеты,
Солдаты шурились тепло.
И в том строю, причастный к славе,
Перехватив ремнями стан,
Летел в седле веселый, бравый,
Российской службы капитан.
Он счастлив. Он сейчас не помнит,
Что в Петербурге значит,
Что в тишине лицейских комнат
Его певучий стих звенит.
Он просто русский! Он в Париже!
Он из Москвы пришел сюда,

Чтоб нашу речь Париж услышал
И чтоб запомнил навсегда.
Он видел много, понял много
И ничего не позабыл:
Ни бивуаки, ни тревоги,
Ни одиночество могил.
И он гордился, что в Париже,
Наветам гнусным вопреки,
Солдаты наши сердцем выше,
Чем безрассудные враги.
Здесь, перевязывая раны,
Врачуя давнюю тоску,
Солдаты гордо повторяли:
«Мы помним матушку Москву!»
В толпе мундиров, платьев, фраков
Блистал у парижанок взгляд
От остроумия казаков
И от достоинства солдат.
И он смотрел, как удивленно
Они стояли, закутив,
Перед Трояновой колонной,
Перед решеткой Тюльери!
Он понимал, что здесь впервые
За много лет трудов и битв
Теперь на мир глядит Россия
И на Россию мир глядит.

«И ЖИЗНЬ, И К РОДИНЕ ЛЮБОВЬ...»
(О К.Н. Батюшкова и Хантанове)

*С ним дружен бог войны,
С ним дружен Апполон!
Певец любви, отважный воин,
По дарованиям достоин славы он
По сердцу счастья достоин.*

В.А. Жуковский

Вологодский край — родные места самобытного русского поэта К. Н. Батюшкова.

Вологда — город, где он родился 18 (29) мая 1787 года. Константин Николаевич Батюшков принадлежал к старинному дворянскому роду, который, по семейному преданию, вёл своё начало от татарского хана по имени Батыш, принявшего православие и присягнувшего на верность Московскому государству. Потомки Батыша стали именоваться Батышковыми, позднее — Батюшковыми. Эта фамилия известна в истории государства Российского со времён Ивана Грозного. Батюшковы, на протяжении столетий достойно служа отечеству, прославились как на военном, так и на дипломатическом поприщах, за что неоднократно были жалованы поместьями, в том числе сельцом Даниловским Бежецкого уезда Тверской губернии (ныне — село Даниловское Устюженского района Вологодской области).

Отец поэта, Николай Львович, служивший прокурором в Великом Устюге, Вологде и Вятке, вышел в отставку в 1795 году и жил безвыездно в имении Даниловское.

Мать, Александра Григорьевна, происходила из вологодского дворянского рода Бердяевых, «который ведёт своё начало от Якова Васильевича Бердяева, выехавшего в Смоленск из Польши во второй половине XIV века» (С.Ю.Баранов).

Александра Григорьевна, выйдя замуж за устюженского помещика Н.Л. Батюшкова, жила то в Великом Устюге, то в Вологде, то в Вятке в связи с переводом мужа, губернского прокурора. В семье Николая Львовича и Александры Григорьевны было пятеро детей: четыре дочери (Анна, Елизавета, Александра, Варвара) и сын Константин. В Вологде прошли первые годы детства будущего поэта, о которых воспоминаний, к сожалению, не сохранилось. С этим городом связаны и последние годы жизни К. Н. Батюшкова. В Италии, где он служил по дипломатической части, в 1821 году его настигла наследственная душевная болезнь. Прощение К. Н. Батюшкова об увольнении со службы, по причине болезни, осталось без удовлетворения. Ему было позволено числиться в бессрочном отпуске. По возвращении в Петербург, К. Н. Батюшков лечился на Кавказских водах, затем в Крыму

и несколько лет в Саксонии. Но все усилия оказались тщетными.

С 1833 года он жил в Вологде на попечении родственников. Там же поэт завершил свой бранный путь в 1855 году.

Среди батюшковских святынь на Вологодчине череповецкое Хантаново занимает особое место. Это родовое имение Александры Григорьевны Батюшковой (урожденной Бердяевой) принадлежало вологодским помещикам Бердяевым, чей род был известен «своими деяниями во славу Отечества» (Лазарчук Р. М.).

Откуда же возникло такое необычное название поселения — Хантаново (Хан — тан — ово)? Предположительно, поселение Хантаново возникло не ранее середины XVII века, о чём свидетельствует запись в книге «Родословие вологодской деревни. Список древнейших деревень-памятников истории и культуры». Среди старожилов сохранилась интересная легенда о возникновении названия: «Ехал хан по имени Тан. Остановился он для отдыха на красивом холме. Место ему так понравилось, что он решил здесь жить... Позднее появилась деревня под названием Хантаново». Легенда не имеет исторического обоснования, однако, как говорят, «миф прочнее стали», и она передается из поколения в поколение.

Впервые Константин Николаевич Батюшков вместе с незамужними сестрами: Александрой и Варварой — приехал в село Хантаново Пошехонского уезда Ярославской губернии близ города Череповца в августе 1807 года. Тогда, вернувшись из Прусского похода в Даниловское, он узнал о решении отца вступить в брак

с устюженской помещицей А. Н. Теглевой. Боясь остаться «ни при чем», дети настояли на разделе имения.

«Хлопоты по разделу имения продолжались больше года, и поэт, оказавшийся единственной надеждой сестёр, активно в них включился... 12 июня 1808 года в уездном суде происходит раздел имения между ним и отцом. Поэт Батюшков стал помещиком. Начались хлопоты, отнюдь не поэтические» (В. А. Кошелев). Двухэтажный деревянный дом был старым, ветхим, «поминутно грозил разрушением», и это беспокоило его. В письме от 12 апреля 1809 года он писал сестре Александре из Надендаля, где продолжал нести военную службу: «Будучи за двести вёрст, я не могу давать советов, но если бы вы построили дом в Хантанове, это бы не помешало; стройте для себя, какой заблагорассудите. Но деньги небольшие на это нужны. Лучше рано, нежели поздно иметь верный приют... С каким удовольствием я бы возвратился под сень домашних богов!». Однако строительство дома затягивалось: мешали экономические неурядицы, справляться с которыми ни поэт, ни его сестры не умели. И только в 1815–1816 годах старый дом не без усилий самого Батюшкова был подновлён и перестроен «неским местным архитектором из двухэтажного в одноэтажный...» (В. А. Кошелев). Располагался он на высоком холме, откуда открывался живописный вид на величавую Шексну-реку и безбрежные леса.

Главной достопримечательностью усадьбы был образцовый парк, настоящее произведение искусства. Судя по отрывочным фразам из писем К. Н. Батюшкова и его сестёр, он был разбит в 1813 году. Особую привлекательность придавала парку террас-

ность. Декоративные уступы, вырытые вручную крепостными крестьянами в XVIII веке, создавали романтическую атмосферу, отвечающую мироощущению поэта. На верхнем уступе располагался господский дом. За домом липовая аллея. По свидетельствам жителей Хантанова, дорожка между рядами лип была посыпана жёлтым песочком. За липовой аллеей простирались барские луга. По краю первого уступа росли кусты сирени, орешника, жимолости, чайного дерева. По воспоминаниям жителей Хантанова (Беловой Т. В., Фоминых Н. В.), по плану, составленным ими, очень красивым был второй уступ, на который с первого вела деревянная лестница с ажурными перилами. Второй уступ был большим цветником, разбитым по образцу версальских садов. Старожилы тепло вспоминают о дорожках, посыпанных жёлтым песочком, о клумбах, на которых росли «дикивинные цветы»: аквилегии, китайский мак, ромашки, розы.

На самом краю уступа была деревянная «беседка муз», которая, судя по письмам и стихам поэта, была идеальным приютом для размышлений, чтения, творчества. В стихотворении «Беседка муз» К. Н. Батюшков отдал дань благодарности «поэтической обители», где он «воскресал душой», пропел гимн поэзии, которая его «спасала», как «ангел-утешитель»:

*Под тению черемухи млечной
И золотом блистающих акаций
Спешу восстановить алтарь и Муз,
и Граций,
Сопутниц жизни молодой.
Спешу принести цветы, и ульев сот
янтарный,
И нежны первенцы полей:*

*Да будет сладок им сей дар
любви моей
И гимн поэта благодарный!*

Нижний, третий уступ был парком в английском стиле. «Клены диковинные, липы рядочками посаженные, сирень..., а поодаль — крупный ельник, голубые ели рядами».

Нижняя терраса радовала обилием цветов: белые и красные розы, синие, белые, розовые колокольчики оставили в душе поэта неизгладимые впечатления. Неслучайно в его стихах можно часто встретить образы цветов. Сад заканчивался рукотворным прудом прямоугольной формы. «В его светлой ключевой воде в свое время разводили карасей особенной «золотистой» породы. «При жизни барина, — рассказывали старожилы, — здесь была лодка, на ней катались баре». Помимо большого пруда, в барской усадьбе было еще три, один из которых сохранился до наших дней.

Парк был с трех сторон обнесен рвом, по краям которого росли себеристые вербы, черемухи, рябины.

Строительство дома, благоустройство парка были постоянной заботой К. Н. Батюшкова. Когда строительство дома шло к завершению, он заказал в Каменце — Подольском «материи на софы и стулья турецкой». После кончины сестры Анны, советуясь с Александрой Николаевной, пишет: «...не нужны ли Вам... мебели красного дерева... возьми их, любезный друг, первое — потому что они годятся для дому, а второе — потому что они некогда принадлежали сестре, и нам ее напоминать будут».

В материнскую обитель он приезжал отдыхать от житейских и воен-

ных битв. Некоторые исследователи считают, что финансовые затруднения были причиной его порой длительного пребывания в Хантанове. Это действительно так. В письмах часто встречаются слова, далеко не поэтические: «долг», «заём», «ломбард». Сам Батюшков называет и другую причину. В письме сестре Александре он пишет: «Спокойствие, и особенно спокойствие душевное, вот лекарство, для меня необходимое». О сердечной привязанности К.Н. Батюшкова к Хантанову ярко говорят строки его писем к сестрам, друзьям, написанные в разные годы.

Батюшков — сестре Александре, 3 апреля 1816. Из Москвы в Хантаново: «Достань на весну роз, если можно, и проси Ивана — садовника моим именем, чтобы он постарался за цветами; не прислать ли тебе семян цветочных?..»

Батюшков — поэту Василию Жуковскому, июнь 1817 г. Из Хантанова: «Благодаря Провидению, у меня беседка в саду... с балкона вид прелестный: река, лес, одним словом: прелесть».

Батюшков — Гнедичу, май 1817. Из Хантанова в Петербург: «Я убрал в саду беседку по моему вкусу... Это меня так веселит, что я не отхожу от письменного столика...».

В июле 1817-го года К. Н. Батюшков пишет Е.Ф. Муравьевой из Хантанова: «Теперь здесь стало полегче: воздух, ванны и верховая езда меня воскресли».

Начиная с 1807-го года по 1818-ый, Батюшков постоянно стремился в Хантаново, там «жил подолгу и весьма основательно»:

• в 1809 г.: со второй половины июля до начала декабря;

• в 1810 г.: со второй половины июля до конца декабря;

• в 1811 г.: с конца июня до начала января 1812 г.;

• в 1815 г.: с начала апреля до 8 июня;

• в 1816 г.: в конце декабря;

• в 1817 г.: с начала января до начала августа;

• в 1818 г.: в ноябре.

Дом в Хантанове — хранитель памяти о предках. К. Н. Батюшкову не было восьми лет, когда матери не стало (21 марта 1795 года). В элегии любимого им итальянского поэта Торквато Тассо «Умиравший Тасс» есть строки, которые вполне можно соотнести с переживаниями К.Н. Батюшкова:

Отторжен был судьбой

от матери моей,

От сладости объятий и лобзаний:

Ты помнишь, сколько слёз

младенцем пролил я?

Эти чувства владели К. Н. Батюшковым в течение всей жизни. Впоследствии материнский Дом постоянно влек его к себе.

Именно эта усадьба связывалась в его поэтическом сознании с «Отечскими Пенатами», здесь он создал лучшие свои произведения. Неслучайно в это время тема Дома нашла отражение в его стихах.

В послании «Мои Пенаты», написанном в Хантанове, называя дом то «хижиной», то «уголком», то «шалашом», поэт в то же время выделяет предметы, напоминающие ему о дорогих людях:

В сей хижине убогой

Стоит перед окном

Стол ветхой и треногой

*С изорванным сукном.
В углу, свидетель славы
И суеты мирской,
Висит полузаржавый
Меч прадедов тупой;
Здесь книги выписные,
Там жесткая постель —
Всё утвари простые,
Всё рухляя скудель!
Скудель!., но мне дороже,
Чем бархатное ложе
И вазы богачей!..*

Содержание писем позволяет судить о К.Н. Батюшкове как о человеке добром, благородном, способном искренне любить близких. Между ним и сестрами царил атмосфера теплоты, взаимопонимания. Где бы он ни находился, мысль о сестрах была постоянной его спутницей. В 1808 году он пишет сестре Александре: «У меня сердце кровью обливается, как подумая о вашей участи». Будущее младшей сестры Вареньки глубоко волнует его: «Одна мысль меня беспокоит и огорчала даже на походах: участь Вареньки. Я назову тот день счастливым, когда она выйдет замуж, и заклинаю вас всех именем Неба не пропустить случая!...». В утешение он дарит Вареньке бриллиантовый перстень, полученный в дар от Государыни Марии Федоровны за маленькую драму, написанную для праздника в Павловском в 1814 году. К Александре Николаевне он обращается не иначе, как «милый друг», «милый мой добрый ангел», спешит порадовать ее в письме от 19 апреля 1816 года: «Посылаю тебе тафты самой модной полосатой; жаль, что не успел к праздникам; но для тебя все равно: ты и в будни щеголять любишь». После смерти отца он спешит

из Хантанова в Москву, чтобы устроить сводного брата Помпея в пансион, просит сестру Александру взять на попечение сводную сестру Юлию.

Благородство, доброта Батюшкова раскрывается и в отношении к крестьянам.

Сестре А.Н.Батюшковой он пишет из Петербурга: «Судьба подчиненных мне людей у меня на сердце. При том же, как мне ни нужны деньги для уплаты долгу и затем, чтобы жить здесь по ужасной дороговизне, но я всё боюсь отяготить крестьян. Дай бог, чтоб они поправились! Если б в моей то было воле, я не пощадил бы издержек, чтоб устроить их лучше».

С Хантановом у Батюшкова было не только семейное, но и духовное родство. Учась в петербургских пансионах, он познавал основы мировой культуры. Литературные интересы поэта не ограничивались творчеством. К.Н. Батюшков относился к тем русским поэтам, которые стремились в «просвещении встать с веком наравне». Его образование было классическим, образцовым: помимо знания европейских языков и литературы, он в совершенстве владел латынью и античной культурой. В тишине «уединенных полей» он много времени уделял чтению. Список любимых поэтов и писателей разнообразен: древнегреческие авторы (Гомер, Пиндар, Анакреон), римские поэты (Вергилий, Гораций, Тибулл), итальянские классики (Петрарка, Ариосто, Тассо), французские мыслители (Руссо, Монтескье, Вольтер), французские поэты (Грессе, Парни).

В «Череповец Новгородской губернии» шли журналы, книги выписные, письма известных всей России

поэтов — друзей Батюшкова: П. А. Вяземского, В. А. Жуковского, Н. И. Гнедича. «Книги выписные» упоминаются неслучайно. К. Н. Батюшков с юности был одержим страстью к чтению. В пятнадцатилетнем возрасте, учась в пансионе, он просит отца (11 ноября <1801. Петербург прислать ему книги на русском, немецком, французском языках, лексиконы, предлагая продать отцовский телескоп и «купить книги».

Впоследствии в Хантанове он собрал замечательную библиотеку и очень беспокоился о ее сохранности. В письме к А. Н. Батюшковой от 19 апреля <1816. Москва> он пишет: «Книги, бога ради, книги мои все собери из Вологды, до последней книжечки».

Батюшков оставил после себя уникальное эпистолярное наследие (более четырехсот писем). В них ощущается шум Времени: исторические события, связанные с Отечественной войной 1812—1814 годов, литературная жизнь в России. Письма К. Н. Батюшкова, как и его стихи, содержат бесценный материал для постижения личности и судьбы поэта. В стихотворении «К друзьям» он так пишет об этом:

*Вот список мой стихов,
Который дружеству быть может
драгоценен.*

*Я добрым гением уверен,
Что в сем Дедале рифм и слов
Недостает искусства:
Но дружество найдет мои,
в замену, чувства,
Историю моих страстей,
Ума и сердца заблужденья,
Заботы, суеты, печали прежних дней
И легкокрылы наслажденья;
Как в жизни падал, как вставал,*

*Как вовсе умирал для света,
Как снова мой челнок фортуне
поверял...*

В Хантанове он обретал идеальный для поэта мир уединения, свободу, чистоту чувств, возвышенность мыслей, возможность спокойно творить. В письмах раскрываются и характерные черты его личности. Батюшкову свойственно преуменьшать как успехи в военном деле, (после первого похода император в «Рескрипте» отмечал его «отменную храбрость»), так и в творчестве. В письме Н. И. Гнедичу <Август 1811. Хантаново читаем: «Я имею маленькую философию, маленькую опытность, маленький ум, маленькое сердчишко и весьма маленький кошелек. Я покоряюсь обстоятельствам, плыву против воды, но до сих пор, с помощью моего доброго Гения, ни весла, ни руля не покинул». Батюшков самокритичен и ироничен. Вот как он описывает в письме Н. И. Гнедичу свой распорядок дня в Хантанове:

«В сутках двадцать четыре часа».

ИДОЛ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Новая книга Станислава Куняева «Жрецы и жертвы Холокоста» отличается творческой страстностью, интеллектуальной мощью и ясностью мысли. Публицистическое исследование известного писателя направлено против сионизма — страшного явления в новейшей истории человечества. Его жертвами стали миллионы людей: еврейский народ, втянутый в бесконечную войну на Ближнем Востоке, палестинцы, защищающие себя от истребления, и наконец, «просвещенные» народы Европы, склонившие головы перед этим идолом нового времени.

Сионисты цинично спекулируют на еврейских жертвах Второй Мировой войны, навязывая всем мысль об «исключительности» этой трагедии, почему-то дающей право «избранному» народу (а точнее — им самим) на всеобъемлющее превосходство.

Кстати, сами «специалисты» по истории Холокоста до сих пор не пришли к согласию о том, сколько же евреев погибло во время войны: шесть миллионов, четыре или еще меньше? Но цифры тут — не главное (мы потеряли 27 миллионов, но не делаем из этого факта вселенской трагедии), главное в ином — какова же цель этой беззастенчивой политической спекуляции, какие трофеи хотят получить сионисты по результатам современной мировой, но уже иной, идеологической войны?

Станислав Куняев стремится обнажить религиозные, политические,

конспирологические и даже психологические корни этого явления, ставшего для западного мира чуть ли не новой религией, тщательно оберегаемой «священной коровой» демократии — любое научное исследование этого вопроса, посягающего на созданный миф, объявляется уголовным преступлением. Ст. Куняев совершенно справедливо считает, что Холокост — это фундамент новейшего европейского тоталитаризма. На нем выстроена вся конструкция так называемых «прав человека», столкнувшего Запад в яму «просвещенного» расизма, согласно которому все народы равны, но есть один самый многострадальный народ, который «всех равнее».

Стремление ушлых политиков переписать историю Второй Мировой войны объясняется их внутренним убеждением о расовом превосходстве над остальными народами. Золотая мечта не только чужих, но и наших «либералов»: А. Гербер, А. Асмолова, Б. Сарнова и других — объявить русский народ поджигателем войны, а советский режим приравнять к фашистскому, в 2009 году сбылась. Европа лягнула больного медведя. Но медведь болен не смертельно...

К сожалению, некоторые наши действующие политики, не зная сути происходящего, вольно или невольно поддерживают эту линию. Вот что пишет, например, Валентина Матвиенко: «Исторический смысл запоздалого признания Россией места Холокоста в истории цивилизации означа-

* Станислав Куняев. Жрецы и жертвы Холокоста. — М., 2011.

ет, что отныне Россия входит в общий ряд цивилизованных стран, для которых эта катастрофа воспринимается как общечеловеческая, а не только национальная трагедия». К счастью, наш народ прекрасно осведомлен, в отличие от В. Матвиенко, о «прелестях» западной цивилизации, горой встающей на защиту геев, лесбиянок и фарисействующих сионистов. Отношение к палестинцам, православным сербам и русским как к недочеловекам (обстрел Белграда ракетами с надписями «С Пасхой!» мы не забудем во-век!) как раз и вытекает из того факта, что христианство в Европе практически погибло, а его место занял «новый мировой порядок» — демократический идол, поразительно похожий на Яхве.

Станислав Куняев опирается на документальные источники — неизбежным оппонентам спорить с ним будет весьма затруднительно...

«Из меморандума «Сионистской федерации Германии», посланного 21 июля 1933 г. руководству нацистской партии:

«С основанием нового государства, которое провозгласило расовый принцип, мы хотим приспособить наше сообщество к этим новым структурам... Мы не хотим недооценивать эти основные принципы, потому что мы тоже против смешанных браков и за сохранение чистоты еврейства» (Л. Давидович. «Читатель Холокоста», стр. 155).

«А вот еще одно свидетельство из книги Л. Рабиновича «Евреи между Гитлером и Сталиным», Алгоритм, Москва, 2009:

«По данным израильской прессы, в составе вермахта против СССР воевали 150 тыс. евреев, точнее т.н. «миш-

линге», т.е. лиц, рожденных в смешанных германо-еврейских браках. И, надо признать, вояки они были отменные — среди них было 23 полковника, 5 генерал-майоров вермахта, 8 генерал-лейтенантов, 2 полных генерала, один генерал-фельдмаршал (Э. Мильх). Сотни солдат и офицеров из числа «мишлинге» были задействованы в полной мере — «образцом голубоглазого арийца» долгое время был Вернер Гольдберг, отец которого был еврей. Воевали против СССР не только «мишлинге», но и даже чисто верующие иудеи, в частности в составе осаждавшей Ленинград финской армии таких насчитывалось свыше 300 чел., у которых была даже походная синагога!».

«В Вильнюсском гетто главой Юденрата был сионист Якоб Генс, который по требованию немцев регулярно формировал партии евреев в Понары, где их расстреливали. В 2005 или в 2006 по Центральному ТВ об этом «Юденрате» шел фильм. Телевизионный диктор зачитал кредо жреца Холокоста, отправившего на расстрел около 50 тысяч евреев: «Я взял на себя всю ответственность, и мне не страшно... Вы должны знать, что это был мой долг — обогреть руки в крови своего народа...».

«Когда в Америке возник вопрос о том, что в связи с организацией музея Холокоста надо бы вспомнить о тотальном уничтожении гитлеровцами европейских цыган, то один из жрецов рабби Сеймур Зигель заявил: «Нужно, чтобы сначала был каким-то образом признан народ цыган, если такой вообще есть».

«Очень боится профессор (А. Асмолов), что не усвоив уроков Холо-

коста, российские граждане попадают в объятия «политического антисемитизма»... ..совсем плохо ему становится, когда он понимает, что эти национал-патриоты, идеологи, учителя «вслед за Сталиным призывают спасти русско-православное сознание от троцкистской химеры, космополитизации, финансового порабощения антропологической российской православной цивилизации»...

Наш народ терпим и доверчив. Мы искренне считаем, что все нации равноправны. Сионисты же думают иначе. Их цель — сломить наш дух, нашу традицию справедливости, лишить нас веры в Бога и в себя. Мы должны помнить об этом.

ОСЕНЬ ВЕЛИКОЙ НАЦИИ

Точный поэтический диагноз поставила нашему времени Людмила Щипахина:

*Признаём себя в оккупации,
Жертвы хитрости и коварства.
Это осень великой нации,
Гибель жалкого государства.
(«Новая Скифия»)*

Может, это просто эмоции? К сожалению, о реальном положении дел в России красноречиво говорит и статистика:

«В Госдуме и Совете Федерации заседают 12 миллиардеров, общее состояние которых оценивается в 41 млрд. долларов (по состоянию на 2010 год).

В России насчитывается 62 миллиардера с совокупным капиталом в \$297 млрд. Российские миллиардеры платят самые низкие в мире налоги

(13%), которые и не снились их коллегам во Франции и Швеции (57%), в Дании (61%) или Италии (66%).

26% россиян имеют непогашенный кредит.

143.000 человек лишились права на выезд за рубеж из-за проблем с долгами.

По данным ЦСИ «Росгосстраха», в России годовой доход более \$1 млн. у 160.000 человек, годовой доход более \$100.000 имеют 440.000 семей.

92% крупной российской промышленности, банков и пр. — это иностранная собственность.

Только в швейцарских банках находится около \$25 млрд. российского происхождения.

На 30.000 питерских бездомных приходится менее трехсот мест в ночлежках.

Содержание одного заключенного в колонии строгого режима обходится в 6.800 руб.

Средний размер пенсии, в среднем по России, составляет 4895 рублей.

Минимальная пенсия в России, обеспечивает существование пенсионера, примерно, на уровне военнопленного немца в 1941 году.

67,4% россиян считают выход на пенсию катастрофой!

На профилактику детской беспризорности было выделено чуть более 60 млн. рублей.

На стерилизацию бродячих животных в Москве тратится 87 млн. руб. бюджетных средств ежегодно. По 13.000 рублей на псину.

На 27 млн. рублей больше, чем на бездомных детей.

С 1991 по 2008 год чистый отток капитала из России, составил не менее \$2 трлн.

В 2005 году эта цифра составила \$14,8 млрд. по сравнению с \$9,2 млрд. в 2002 году.

За 2007 год из России за рубеж ушло около \$26 млрд., в 2008 года отток составил \$129,9 млрд., в 2009 около \$90,8 млрд. За три месяца 2010 года за рубеж ушло \$19,76 млрд.

Реальный уровень коррупции в России превосходит эффект от развития экономики. И легче не будет, т.к. за 2006 год органы законодательной власти выросли на 2 процента, судебной на 3,8 процента, а аппарат исполнительной власти расширился на 20,4 процента.

Аппарат Минобороны уменьшится в 2,5 раза, ликвидируют институт прапорщиков и мичманов (170.000 чел), а 65 военных ВУЗов переформируют в 10 учебно-научных центров.

Может быть, поэтому 87% офицеров Российской армии открыто нелояльны к власти.

В 2009 году в Военную академию Генштаба смогло поступить всего 16 офицеров Вооруженных сил России. Руководители некоторых оборонных предприятий порой отказываются от оборонного заказа потому, что «откат» не оставляет заводу средств даже на себестоимость.

Может быть, поэтому за период с 1994 по 2009 год армия получила всего 114 новых танков Т-90, 20 новых самолетов Су-27, 6 модернизированных Су-25, 2 Су-34, 3 самолета Ту-160 (1 новый и 2 модернизированных) и 2 вертолёта Ка-50.

Каждый спутник «Глонасс» примерно на треть состоит из импортных комплектующих.

Контрольная станция «Глонасс» в подмосковном Королеве при пяти од-

новременно видимых спутниках не могла определить собственное местоположение.

Россия передала Китаю части островных территорий на реке Амур (174 кв. км). «Вопреки мнению скептиков, Россия не понесет никаких территориальных потерь в результате этого акта доброй воли в отношении Китая».

В России Китай купил и освоил 80.400 Га сельскохозяйственных земель (цена сделки — \$21,4 млн.). И хотя иностранные владельцы российской земли стараются особенно не афишировать свою деятельность, известно, что среди них шведский инвестиционный фонд Black Earth Farming (через российскую компанию «Агро-Инвест» контролирует порядка 300.000 Га), шведская же компания Alpcot agro (инвестировала в Россию \$230 млн и контролирует более 490.000 Га), компания «Рав Агро-Про» с участием израильского, американского, британского капитала (контролирует 150.000 Га). Кроме того, датская Trigon Agri приобрела в последние два года в России 121.000 Га.

Ежегодно Россия теряет по численности населения целую область примерно равную Псковской, республику типа Карелии или крупный город, такой как Краснодар.

За последние 10 лет на 40% сократилось население на Дальнем Востоке и на 60% на Крайнем Севере. В Сибири за последние годы исчезло 11.000 деревень и 290 городов. Однако, население России неуклонно уменьшается не только за счет «естественной убыли населения», как изяшно выражаются официальные лица.

По данным Генпрокуратуры, реальный уровень преступности в Рос-

сии в 3 раза выше статистического. В 2004 году остались нераскрытыми 1.000.246 преступлений, в том числе 5.635 убийств.

По причинам криминального характера ежегодно уходит из жизни свыше 150.000 человек (официальная статистика МВД).

Только в ДТП, которых в России в 2009 году произошло 189.000, ежегодно гибнет около 35.000 человек, число раненых превышает 215.000. За последние 35 лет из России уехали свыше 40 млн. человек (данные МИД РФ).

Центральные телеканалы отдают 90% эфира информационных телепрограмм под позитивные новости о власти. Не менее 80% российских СМИ контролируются властью.

Доходы бюджета РФ за 11 месяцев 2009 года снизились на 25,7%.

Бюджеты силовых структур на 2010 год вырастают на: МВД — 25 млрд. рублей, ФСБ — 18 млрд. рублей, ФСО — 11 млрд. рублей. (http://pikabu.ru/story/realnoe_polozhenie_del_v_rossii_v_tsifrah_105714#comments).

Поэт Денис Коротаев восклицает:

*И это — Родина? Не верю,
Что лишь уныние и страх,
Лишь обзленность и потери
В огне покинутых глаз.*

*И примириться не смогу я
С роскошной этой нищетой.
Я все же знал ее другую —
И выше той, и чище той,*

*Что попрошайкой в переходе
Сидит у мира на краю.
И в отрешении выводит
Молитву тихую свою...*

Мы боимся признаться открыто в том что, отказавшись от идеи справедливости, совершили ошибку, точнее, национальное предательство. В народе об этом говорят уже лет двадцать, интеллигенция же никак не может разглядеть очевидное: капитализм так же, как и 100 лет назад, практически во всех сферах, за исключением торговли, показал свою неэффективность и неспособность к творчеству. В соревновании с советским прошлым он безнадежно и окончательно проиграл.

Говорит иерей Александр Шумский: «Капитализм в России смотрит-ся как на корове седло. На корове под седлом далеко не ускакать, да и молока с нее не получишь, потому что корова под седлом вряд ли будет стремиться к повышению надоя. Нельзя не прийти к выводу, глядя на нашу современную Россию, что не предназначена русская земля для капитализма. Перегородочная Европа предназначена, а степная Россия нет. Степная кобылица никогда не станет свиньей, ничего с этим не поделаешь. Поэтому, как ни крути, социализм является органичной формой русской жизни. Разумеется, я имею в виду социализм без коммунистической идеологии. А вот еще одно соображение в этой связи. Монархию в России свергла буржуазная революция, и за это русская буржуазия получила возмездие в ходе социалистической революции. Так что винить в русской смуте начала XX века следует, прежде всего, недоразвитый русский капитализм. И сегодня он такой же недоразвитый. И развитым никогда не станет, прежде всего, по моральным причинам» (http://www.rusksline.ru/news_rl/2010/11/17/malchishkibalchish_priblizhaetsya/).

*В угоду доллару, бишь — отщиму
рубля,
поклоны бить и отбивать чечётку,
дабы кремлёво-красная сопля
из нас наружу вышла — под подмётку.
Какой размах, какие времена!
Бомжи ликуют, льбятятся сиротки.
И Абрамович сеет семена
от Лондона и до чумной Чукотки.
(Г. Горбовский, «Времена»)*

Мы, русские, не торговая нация, не нация лавочников, мелких и крупных, мы привыкли служить Отечеству, работать на государство, на Россию. Но надо признаться самим себе: не только власти, но и мы клонули на эту наживку, на порочный лозунг: «Обогащайтесь!», стали уповать на рынок, который нас сам на себе и сам по себе вывезет. «В последнее время жутко за народ: кого он считает за своих лучших людей... адвокат, банкир, интел-

Поэтесса Марина Струкова открыто бичует наши пороки:

*Пока тобою правит без стыда
Картавая кремлевская орда,
Ты — не народ, ты — полуфабрикат,
Тебя сожрут и сплюнут на закат,
Крестом поковыряют меж зубов.
Анафема тебе, толпа рабов!*

Во-первых, интеллигенция давно раскололась на два мира, две культуры: истинную национальную и псевдокультуру, угнетаемое духовное и прославляемое телесно-душевное начало. Резче всего это проявляется в языке. Искусственная элита сразу сообразила: язык — это товар (а люди — тем более!). Рекламный слоган: «Новое поколение выбирает «пепси» — тот же застывший после особого приготовления лозунг: «Вся власть — Советам!» От одного языкового «тоталитаризма» мы пришли к другому, «демократическому». Горстка действительно русских по духу и мысля изданий: «Наш современник», «Москва», «Слово», «Литературная газета», не получая из казны

ни копейки, любят Россию «до боли сердечной», а подавляющее большинство продающих государственных дотации литературных журналов и газет занимаются сытым самовыражением, фарисейски рассуждая об элитарности своей поэзии и прозы. Их авторы не брезгают получать «национальные» премии из нечистых рук Сорока и Березовского и заявлять, как Вячеслав Пьесух: «Я ненавижу Россию». И подобным литераторам президент вручает ордена, а с русскими писателями встречаться отказывается. Поэт Николай Зиновьев называет русскоязычную интеллигенцию псевдоинтеллигенцией:

*Всегда, всегда была ты стервой,
В чаду своей божемной скуки,
Народ ты предавала первой,
На пепелище грея руки.*

*Была ты рупором разврата
И верной подданной его.
И поднимался брат на брата
Не без участия твоего.*

*По заграницам ты моталась,
Всю грязь оттуда привозя...
Такой ты, впрочем, и осталась.
И изменить тебя нельзя.*

(«Псевдоинтеллигенция»)

В другом стихотворении он дает ей еще более жесткую оценку:

*Пусть не всегда была ты стойкой
И горькую пила украдкой,
Но все-таки была прослойкой,
А нынче стала ты прокладкой.
(«Интеллигенция»)*

Средства массовой информации, а точнее, дебилизации масс, пре-

вратились в клан, строго фильтруемый от посторонних элементов. А своих легко узнать по языку: тут и журнально-снобистский тон, и нахальное ерничанье, и вульгарно-развязный молодежно-блатной сленг, гибрид МГУ и подворотни. В интернете, само собой, тоже плавают мутная взвесь на основе того же жаргона, только еще более упрощенного, ведь в основу глобализации заложена как раз унификация всего и вся. Информационный треск стал безгранично-скоростным и бездумным, развлекательно-рекламная спешка вызвала из преисподней злой дух пошлости и цинизма. От этого многоликого и многогласного чудовища невозможно укрыться, как и от навязчивой и привязчивой слишком легкой музыки:

*Мне трудно думать:
Так много шума.
А хочется речи
Простой, человечьей.
(Н. Рубцов)*

Во-вторых, псевдоинтеллигенция не способна расстаться с давним мировоззренческим штампом: социалистическая идеология и экономика нераздельны. Да не было никакой социалистической (а тем более коммунистической) идеологии уже с конца 60-х годов! Только на бумаге в целостности и сохранности оставались догмы, доживали свое ритуалы прошлого, а в действительности русские семьи, — либо сознательно, либо по традиции, — всегда жили по христианским, пусть и сильно покоренным законам равенства всех перед Богом и справед-

ливости в православном ее понимании. Социализм рухнул в том числе и из-за несовместимости официальных и народных представлений о смысле жизни (слово «коммунизм» тогда вызывало смех). Точно так же развалится и «капитализм» российского розлива (правда, сейчас нам совсем не смешно).

Народ никому не нужен, власть и бизнес живет «по понятиям», у населения за все эти окаянные годы ни разу не удосужились спросить, чего же он хочет (не провели ни одного референдума!), небезосновательно полагая, каков будет ответ...:

*В Кремле, как прежде, сатана,
в газетах — байки или басни.
Какая страшная страна,
хотя — и нет её прекрасней...
(Г. Горбовский)*

В стране нет единства народа и «верхов», потому что нет подлинной национальной власти. Наши руководители не верят в народ, не слышат его голоса, опасаются любых его самостоятельных движений. Власть панически боится собственного народа, потому что ни духовно, ни кровно, ни идейно никак с ним не связана:

*Всё стало пошлым или мерзким.
Как душу с этим примирить?
Быть может, с кем поговорить?
Но поглядел вокруг я — не с кем.*

*Народа нет. Ну а в толпе
Какая общность или сила?
И как насмешка на столбе
Плакат: «ЕДИНАЯ РОССИЯ».*

(Н. Зиновьев)

На телевизионном экране царствуют пошлость и сатанизм, а во время выборов — настоящий информационный террор. От беспрерывного вранья возникает раздражение и даже злоба. Страна вымирает не только от физических причин: плохое питание, недостаточное лечение, работа без отпусков, — от безысходности.

Знаменитая фраза о сбережении народа понимается, к сожалению, буквально, демографически. Если дело в количестве населения — это не проблема, китайцы-то под боком. Солженицын же толковал прежде всего о личности народа, о его самосознании или, как принято сейчас говорить, о национально-культурной его идентичности.

В народе всегда жил и доньше живет идеал справедливости. Народная правда — не миф, а реальность, благодаря ей мы до сих пор не потеряли черты Святой Руси.

Несложно предугадать, по какому пути пойдет Россия в будущем: по пути возврата к национально-государственной идеологии, преимущественно государственному производству, регулированию и контролю. Можно назвать этот путь православным социализмом, можно — государственным капитализмом. Дело не в терминах. Либо мы исчезнем с политической карты мира, либо власть станет служить Богу и Отечеству, а не золотому тельцу. Однако прежде чем это случится в действительности, мировоззренческая революция должна свершиться в наших головах.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ ГАЛИНЫ ШЕКИНОЙ «АСТРОФИЛЛИТ»
(Москва, 2011)

1.

Дочитал книгу Галины Шекиной. Теперь надо как-то её осмыслить. А оттолкнуться хочу от камня Астрофиллита. Он несёт нам знание с небес, в нём скрыта энергия Плутона, а Плутон учит нас жить, ощущая себя частями единого организма в Космосе.

*«Я познала неземное,
Получив земную рану...»
(с.23)*

Свою книгу Галина Александровна подписала мне так: «С глубоким чувством общности...» Вот эту общность она чувствует с каждым, кому сделала в книге посвящение. Это обострённое чувство общности, на мой взгляд, и помогает ей в судьбе каждого современника угадывать и подмечать главное. Для неё Александр Швецов «Сын заблудший Руси...» (с.25). Наверно, таким он и был. Мир Татьяны Бычковой — это «сказка в царстве тридевятом», в которой «полночь на часах», «заколдованная сова» и «строчки сонетов». В ней всегда «весело и свято». Для неё Саша Дудкин — с одной стороны, человек природы, а с другой — он поэт, «поверженный верой в слова», через которые становится «глупо-доверчивым» (с.27). В Надежде Бурдыковой она слышит «божественный ручей». Словом, её судьба просить за всех, услаждать души ангельским пением и за всех молиться.

*«Старинная душа и стать,
Тихонько станешь у креста,*

*Просить святых о малости —
Жестокому дать жалости...»
(с.29)*

То же самое можно сказать и о судьбе Наташи Сидоровой:

*«Как из грусти вышел свет,
А из слёз — молитва.
Это в вас одной секрет,
И незрима битва...»
(с.43)*

Она чувствует, что у Регины Соболевой «голос девочку перерос...» и в нём уже слышатся «философские кружева» (с.31)

Тревожны и точны её слова, посвященные и Андрею Наугольному:

*«Так хотел оставить грехи
И поплакаться у лампад.
Только стены сыры, тихи,
И в душе нарастает ад...»
(с.49)*

Для неё и Михаил Сопин «В человеческой пустыне судьбу одолевал...»

Наверно, не случайно у Галины Шекиной часто стихи звучат как заклинания, как молитвы: «Сестра, вернись...», «Ах ты, деточка...», «Губы, которые, руки, которые, песни, которые...», «Ау — тебе, Ау!...», «Не плач, не плачь же...»

Она и дебютанта в поэзии одновременно предостерегает, оберегает и благословляет:

*«Мы все проходили урок, и ты
не избег повторенья —
И это не пропасть, не рок,
а только лишь новое зренье...»*

*«Пока клубятся облака,
Запомни, что душа просила —
Всё принесёт с собой река,
Волну и ветер, стать и силу...»*
(с.84)

*«Я не жду больше милостей,
только молюсь и надеюсь.
Чтобы хуже не стало сторонке
унылой...»*
(с.73)

*«Какие ещё потрясут и победы,
и муки, и страхи...»*
(с.86)

Поскольку этот камень «Астро-
филлит» послан и мне, читателю, как
камень-оберег, камень-целитель, чтоб
«этот тёмный камень, без огранки.
Игольчатое сумерек сиянье,

*Будил, будил одно воспоминаиье —
О горке... О речке...
О том, что невинно и нетленно...
О том, что все леса и перелески,
кустов прибрежных купы
в талых водах звучат словами...»*
(с.47)

А завершить своё слово о книге
Галины Шекиной хочу строками из
«Ягодного сна»:

*«Впивая облепихи острый запах,
Хочу давать побеги, как она.
И быть звеном, связующим этапы —
Пусть звенят в траве и колких лапах
Моих детей и внуков имена...»*
(с.104)

10.12.2011 г.

Елена МАКСИМОВА

ЧТО ЗНАЧИТ «БЫТЬ ПОЭТОМ?» (Заметки о творчестве Николая Бушенева)

Быть поэтом — это значит то же,
Чтобы правду жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже. Кро-
вью чувств ласкать чужие души.

С. Есенин.

В январе 2011 Николай Тимофее-
вич подарил мне свой сборник «Ран-
гагеi». С момента его выпуска прошло
пять лет, но я не удержалась свои впе-
чатления от прочитанного оставить
на бумаге.

Два слова — Поэт и Учитель — в
детстве были для меня чем-то недося-
гаемым, явившимся из какого-то вол-
шебного мира. С возрастом значение
слова «учитель» было мною разгадано,
а вот воспринимая слово «поэт», я до
сих пор испытываю чувство внутрен-
него трепета. Особенно в том случае,

когда в руки попадает сборник талант-
ливого мастера.

А что означает «быть поэтом» для
Николая Тимофеевича Бушенева? Я
взяла на себя смелость поделиться сво-
ими соображениями о единомышлен-
нике, «единочувственнике» уже хотя
бы по той причине, что автор в своём
предисловии пишет: «Буду счастлив,
если читатель выскажет своё мнение
об этой книге».

Открываю сборник... и сразу от-
мечаю самое, что ни на есть трога-
тельное: он посвящен «светлой памя-
ти моей доброй мамы Наталии Рома-
новны».

Первое стихотворение помечено да-
той — 1961 год. Считаю, сколько же
автору лет? 14. Это тот возраст, ког-

да зарождаются нежные ростки первой влюблённости, чувств ещё неизведанных. Читаю:

*Соловиное время.
Золотая пора.*

Прекрасно для начинающего поэта. Вторая строфа заделала за живое

*И влюблённости ярость,
И цветенья разгул.
И поэзии парус
Вешний ветер надул.*

Какая неожиданная смелость чувств для юного возраста, какой сильный и яркий образ! Третья строфа не менее решительная. Автор рвется в жизнь, он уже «на грани открытий», готов с чистой душой, чистыми помыслами к «...отплытию в песню», т.е. в мир поэзии, который, судя по талантливому почерку, полюбил. Не смогла не обратить внимания на рисунок под стихом. Распускающиеся, то ли нежные листочки, то ли цветочки. Как всё продумано и гармонично! Раскрываются листочки, и вместе с ними раскрывается талант юного автора.

Стихотворение «Полевой простор распахнут» помечено 1963 годом — автору 16 лет. В стихотворении всего четыре строчки, но какие! Что ни строчка, то образ, а последняя покорила меня своей афористичностью и ещё чем-то таким, отчего у меня (искушённой и в музыке, и в поэзии) стало радостно на душе.

*Полевой простор распахнут.
Росный звон цветущих нив.
Встанет солнце — птицы ахнут,
Искры песен уронив.*

Взгляд мой вновь останавливается на рисунке подтекстом. Делаю вы-

вод, что художник глубоко проник в смысл стихотворения, чтобы отобразить прочитанную мысль в рисунке. А именно — птицы встречают встающее солнце. Я ассоциирую рисунок с тем, что молодой автор, почуяв свою «искру», т.е. дар божий, уверенно летит в жизнь, встречая восход солнца.

Следующие два стихотворения помечены 1964 годом — автору 17 лет. Первая любовь, как «ясная росинка», но поэт в одиночестве считает звёзды, потому что не так-то просто «отыскать свою любовь» в этом мире, среди «мертвых звёзд». В другом стихотворении Николая Бушенева его лирический герой дышит осенней грустью и задаёт себе вопрос:

*Удастся ль когда-либо
Вываться на простор?*

И вновь мои глаза останавливаются на рисунке. Два последние трепетные листочка, облетающие с веточек... И я начинаю волноваться. А что же дальше?

А дальше автору 18 лет — 1965 год. Пора юности. В природе всё так же прекрасно, всё так же «сладко пахнет по садам жасмин», но у лирического героя на сердце первая ранка:

*И страдает, полюбив, любимая,
Только я любимой не любим.*

Два листочка под стихотворением подтверждают неразделённость чувств. Один из них чёрный, погибший, но уносимый ветром вверх. Это, по моему мнению, сам лирический герой. Другой живой, но летящий вниз.

Что ж, таких ранок не избежать, но вся жизнь у поэта ещё впереди.

Включительно до 1974 года — годы ученичества, читаешь и чув-

ствуешь, как автор стремится жадно вобрать в свой душевный мир всё то, что его окружает, радует, волнует. О чем бы он ни писал, проследживается стремление проникнуть в глубь явлений и выразить словом самую их суть. Путь к познанию мира лежит через приобщение к природе. Надо отметить — к природе у поэта особое, самое трепетное отношение. Только поэтически одарённый человек может так тонко подметить и передать нюансы своих душевных переживаний при его общении с природой:

*Как обратить
В слова
Свежее,
Легкодымчатое,
Пряное чувство
Раннего майского утра,
Отметить
Едва уловимое
Кольхание
Лиловой сирени
В стеклярусе
Крупной росы,
И зеркало заводи,
Когда на него
Стекает
Земляничным соком
Заря,
И...!*

Впрочем,
*Встаньте с рассветом,
И всё
Вы увидите
Сами.*

Кажется, всё так просто. Это то, что всякий чувствует, но не всякий найдёт слова, чтоб выразить свои чувства вслух или на бумаге. Имен-

но так и должна восприниматься истинная поэзия.

После того как я познакомилась с творчеством юного поэта Николая Бушенева, меня невольно потянуло проследить его последующий творческий путь.

Говорят, книга поэта — дневник его души. Частично я с этим согласна. Но полностью узнать по стихам душу и жизнь поэта вряд ли возможно. Это за гранью дневника. В стихах поэт отражает лишь вспышки, мгновения, за которыми кроется тяжёлый труд стихотворца. Для Николая Тимофеевича вспышки — это «светлячков золотые огни». А вот как он сам говорит о труде поэта:

*Замыслов тысяча тысяч,
Но нужен немалый труд,
Чтоб слово-искорку высечь,
Чтоб строчки зажёгся трут.
Но вот, убедись воочию,
Что маялся ты не зря!
Запыхала средь ночи
Стихотворенья зря.*

Это ли не счастье, средь ночи увидеть зарю? Свою зарю!

Если отрочество и юность были у поэта светлыми и яркими, то взрослая жизнь с её проблемами и неурядицами, горечью от потерь накладывала свой отпечаток. Однообразность, будничность тяготят поэта. Читая стихи последующих лет, обнаруживаю более глубокого, более значимого поэта, порой сомневающегося, зарекающегося возвращаться к своему поэтическому творчеству, но...

*Мне всё же сладко иногда.
Оно — далёкая звезда.
И от угаснувшей звезды
Ещё в зрачках моих следы.*

Следы, которые на протяжении дальнейших лет будут постоянными спутниками его творческого непокоя.

В стихах зрелого поэта звучит голос мастера, глубоко влюблённого в слово, знающего истинную силу слова. Молодым авторам, начинающим свой путь в поэзию есть чему поучиться у Николая Тимофеевича Бушенева. Он, к примеру, предостерегает начинающих стихотворцев:

*Забредя в словесный лес,
Наломав словесных дров,
Не гордись: «Я Гераклес!»,
Не тверди: «Я дровосек!»,
Если от твоих даров
Не созрелся человек.*

Стихи Николая Бушенева хороши разнообразием ритма, формы, привлекают своей музыкальностью. Поэт в постоянном поиске, в движении. Он ищет и находит. Находит и удивляет читателей и почитателей необычностью и оригинальностью построения стиха, самобытностью своей поэзии.

Поэту с тонкой душой тяжело жить в мире, где правят ложь и обман, где деньги делают своё грязное дело, где

*Прославились без усилий
Лишь глупостью дураки.*

Честному, скромному человеку, строящему добро, жить среди таких людей невыносимо и больно, поэтому и рождаются порой строчки, наполненные отчаянием:

*Коль ты не плут, не хам,
Участь терни раба.*

И уповать на звезду, оставившую след в его зрачках.

Николай Тимофеевич Бушенев известен как человек высокообразованный, порядочный, скромный, но знающий себе цену. В его творчестве не встретишь злобных стихов, вот и приходится поэту «за застенчивостью, как вывеской» прятать «твёрдую суть свою» и впадать в бессильный гнев, «к теченью не приспособясь», чтобы потом, в полном уединении с единственной утешительницей Музой, лечить свою израненную душу.

О творчестве Николая Бушенева написано немало, и я вряд ли добавила что-то серьёзно новое, но в начале статьи, используя в качестве эпиграфа строфу из стихотворения Сергея Есенина, я задалась вопросом: что означает для Николая Тимофеевича быть поэтом? Ответов, высказываний на этот счёт в его творческом багаже нет числа, но я остановилась на строфе, заставившей меня поразмышлять, пофилософствовать.

Итак, не отражено ли существо поэзии Николая Бушенева в следующих его стихотворных строчках?

*Я должен зёрна знаний
размолоть*

И хлеб испечь.

И скажете тогда вы:

«Хоть не силен он,

незаметен хоть,

Но делает своё с душою дело».

3 ноября Николай Тимофеевич отметил свой 65-летний юбилей. От литературного объединения и от себя лично желаю этому удивительному человеку крепкого здоровья, счастья, тёплого солнышка и верных преданных друзей. И новых стихов!..

I.

Говоря о сегодняшнем литературном процессе в Санкт-Петербурге (в частности о поэзии), любой любознательный может отметить, что книжный рынок обширен и многообразен, способен удовлетворить самых придирчивых читателей, от графоманской до карикатурно-выспренней поэзии, облаченной в образ современного монстра.

Из современных же петербургских писателей, кто серьезно и ответственно относится к своему творчеству, кто живет литературой и дорожит ею, здесь может быть назван и Сергей Вакомин (Сорокин), вологжанин по рождению: член Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии «Звезда полей» имени Николая Рубцова. Его литературный стаж исчисляется с 1960 года.

Вообще Сергей Вакомин в своем литературном творчестве широк и многообразен — он пишет художественно-документальные очерки, пишет литературно-критические статьи о современной поэзии и прозе. Особенно это показательно проявилось в его последних проникновенных, вдумчивых эссе, где жизнь и творчество поэта Николая Рубцова и составили главное содержание его исследовательской к книге «Свет надежды или Русский талант», которую он выпустил в 2005-м году..

В критике уже отмечалось, что Сергей Вакомин — «один из очевидных представителей поэтической «вологод-

ской школы» в Санкт-Петербурге, хранитель и продолжатель исповедальной традиции Николая Рубцова.»

Сергей Вакомин сделал себе замечательный подарок, равно как и читателя — к своему 65-летию выпустил новую книгу «По велению любви» (ООО «Нестор — История» СПб, 2011 г.), которую целиком составила одноименная поэма. Небольшая по объему, но плотная и цельная по содержанию, написанная им, вернее сказать, вдохновенно сотворенная на широком, свободном дыхании, как и его предыдущие поэтические книги: «Избранная лирика» в серии «Поэты России — 1998»; «Строгая минута» — 2006, со стихами, душевно выношенными, полными искренней любви к земле, своей малой родине, России, являя все тот же «итог длительного духовного сопротивления (В.Шаламов), затянувшегося на долгие годы и, наконец-то, успешно разрешившемся лирически-ми строками данной поэмы.

II.

*Ведь ни Москва, ни Петербург
и толику того не дали,
что из твоих я принял рук,
душой любя вот эти дали:
огни вечерних деревень,
зеленый шум лесных опушек,
клуба струящуюся звень
и отдаленный зов кукушек ...*

В такой вот умиротворенности и предстает перед нами поэтический мир в поэме «По велению любви» Сергея Вакомина, где сквозь плот-

ную ткань стиха отчетливо проявляется судьба лирического героя поэмы, явственно прозреваются существенные картины обычной житейской повседневности, творимой действительности, в которую зорко вглядывается автор. (...)

Всем строем своей поэмы С.Вакомин как бы говорит: необходимо, чтобы с раннего детства ребенок, будущий гражданин страны, понимал — нет ничего выше сыновней любви к своим истокам, родине, и нет надежнее и спасительнее семейных уз родного дома. На жизненном примере представленного нам героя мы воочию видим и чувствуем, что правда непременно побеждает зло и что наша задача — правомерно следовать веками выверенным социальным курсом, жизненно необходимым...

Пока я не берусь точно сказать, насколько органичен для Вакомина сам жанр поэмы. Но обращение к ней уже говорит о желании автора расширить границы своих размышлений «О времени и о себе», являясь при этом живым свидетелем исторического процесса второй половины XX века, с которым автор и пытается сопрягать современность и судьбу, близкого ему по нраву и духу, лирического героя, которым «на завод пришел рабочим» в цех «прославленным трудом».

III.

Автор поэмы «По велению любви» до беспощадности откровенен, когда пишет: «Бросив землю, мы в городе моем, / хоть и здесь не чужая земля...»

В этом и сказывается главное направление чувств и волеизъявление героя данной поэмы; сумевшего «не искорежить камнем душу», но поряд-

ком поистерзавшегося глориями «меж городом и селом». Здесь явно аукнулся автору опыт старших мастеров по поэтическому цеху Глеба Горбовского и Николая Рубцова, чье творчество проистекает от высшей осознанности своей необходимости обществу.

Это говорит о том, что творчество Сергея Вакомина вступило в новый возраст выверенных, четких пристратий, человеческих гражданских, эстетических.

Родной вологодский край открыл в детстве Сергею Вакомину окно в мир удивительной северной красоты, заставивший мальчика рано задуматься о жизни, исполненной трудовой несбыточных надежд на сопричастность к общему старанию земляков, «Где мир таинственный и пестрый/ изба крестьянская вросла» т.е. родительский дом, не утративший, как потом окажется, своей прежней власти, неизменно присутствующий в благодарной памяти заявленного героя, которому: «Под его деревянным небом / часто снились цветные сны.»

Они-то, воспоминания, и становятся здесь поэзией, где есть место не только поэтическому воображению, но и трудовой жизни на родной ему земле, горьким раздумьям о ней, приметам времени и духовной сопричастности делам других людей.

«Во мне Живут поля и сосны/ родного дальнего села», где значится и его родительский дом, — с пафосом внутреннего достоинства и беспокойства в очередной раз признается автор и герой» поэмы, находящиеся по воле судьбы в долгой разлуке с малой родиной, преисполненные ностальгических воспоминаний далекого детства, ставшие впоследствии как и многие их

сверстники «продуктом» узаконенной системы — социализма, который вырывал мужика от каждодневной жесткой борьбы за выживание и позволял развернуться в нем истинно человеческой сути. (...)

Автор как бы нам говорит, что мир деревни — это не просто травы и об- лака, туманы и «отдаленный зов ку- кушек»; мир этот населен еще и про- стыми, и трудолюбивыми, душевными людьми, которых «ждет притихшая де- ревня,/ где мимо окон — поезда./ Где все, как раньше, неизменно/ и конь, и плуг, и борозда.

Поэт как бы напитывает свой взор, свою душу впрок, — пишет о стихах С. Вакомина петербургский поэт Ана- толий Белов, — в запас красотой неру- котворной, но ценит и всю приобре- тенную опытом красоту труда, любви, исторической памяти (...) и все это в пределах привычных вроде бы пред- ставлений о непростом земном, из- начально трагическом человеческом пути.»

И что приятно еще здесь отметить, так это отсутствие прямого антогониз- ма — труд сельского жителя уравниен с правами заводского рабочего:

*«Считать за честь работу нужно!» —
внушал усердно бригадир.
И наравне с бригадой
дружно
я к небу мачты возводил.
Их сколько было!
Счет потерян —
вокруг Земли
идут суда...
Их путь
судьбой людскою мерян,
в них сердца светит
ДОБРОТА.*

Удивляет, наконец, авторская страстность взаимоотношений с ми- ром: Вакоми ну мало только отобра- жать его, с детства запавшего в отзыв- чивую душу ребенка, он хочет, что- бы и его лирический герой постоян- но ощущал судьбу этого мира и мерил бы им свою:

*Когда не пишется ночами
в чреде сменяющихся дней,
меня зовут к себе причалы
и вспышки сварочных огней;
где краской пахнут и металлом
новорожденные суда
и на лице моем усталом
печать кипучего труда*

Ведь не секрет: чем дальше чело- век от земли, тем больше у него пра- ва на продукт чужого труда. И пусть городская земля стала для вакомин- ского героя, бывшего деревенского паренька, а ныне профессионального рабочего-корабеля крупного завода, вовсе не чужой, но чуждой для цело- го поколения послевоенной крестьян- ской молодежи, совершавшей массо- вый исход из безхлебных, с нелепой колхозной жизнью на базе обществен- ной собственности, но навсегда став- ших родными, деревень. (...)

Но рассеявшись по малым и боль- шим городам страны это поколение попало в поле отчуждения, в другую, не менее тяжелую, в зависимость тор- жествующего НТР, безоглядно раз-вивающегося в стране «победившего социализма.» В поисках утраченной веры, душевного покоя с покаяньем «в рассеянном взоре герой Вакоми- на и рвется при случае «в поле, в за- поведную глушь деревень, твердо при этом сознавая, что нельзя живую душу крестьянина, как бы его судьба не мы-

тарила, заменить рыночным рублем и как бы мы в этом не изощрялись опять же при уродливых нынешних проявлениях рыночной экономики, так безапелляционно насаждаемой сегодня новоявленными реформаторами от собственной власти И в этом — несомненная удача Сергея Вакомина, наглядно дав нам почувствовать, понять.

Отрадно, что сам стиль поэмы лаконичен и прост, не отвлекает излишним толкованием основного сюжета поэмы, от тех гуманистических идей любви к человеку, к Родине, нравственного совершенствования, которым наполнено и все последнее творчество С.Вакомина. Автор знает о чем тревожится, о чем пишет; потому как ему не чужда человеческая боль... поэтому так естественно выглядит стремление лирического героя сохранить в себе непорочный свет детства, навсегда запечатлевшегося в его благородной памяти.

IV.

При внимательном чтении поэмы невольно ловишь себя на мысли, что автору веришь, как самому себе: искренне, безоглядно, как всякий человек, лишенный ложного оптимизма. Вакомин, вовлекая читателя в размышление, избегает готовых рецептов и банальных заключений. Он просто говорит нам:

*Все что прошел — неповторимо,
и свет оконца — навсегда.*

*И с жизнью связь — нерасторжима,
как с полем хлебным — борозда.*

Отсюда и вывод, что деревня, ее вековой уклад, научила художника ви — деть и понимать весь спектр его окружающего мира, в развитии чело-

века — его исторические и духовные корни... Так в финале поэмы «заколовывается» замысел многих стихотворений С.Вакомина — полных глубоких раздумий о крепости земной жизни, ее красоте, которую создавать и беречь нам, людям.

Психологией, социальным и трудовым опытом, нравственными традициями земляков, крестьянской эстетикой деревни можно объяснить многие особенности творческого почерка С.Вакомина, его серьезность, взвешенность и ответственность перед собой и читателями — это как тревога за то вечное, как вера в неизменное, что завещано нам помнить, беречь и любить. И мне представляется, что главным здесь должно быть не поиск любви к себе, а внутренняя потребность сыновнего долга отдавать все лучшее, что в тебе, как личности, есть, как велит сама любовь.

V.

«Мне в эту даль глядеть привычно», — не без гордости заявляет герой поэмы, но это и голос самого автора, преисполненный искренней, трепетной любви ко всему живущему на Земле, полный здравого смысла и оптимизма; где стихи не звучат нравоучительными выводами: мажорно-лирическая их мелодия выверена пристальным авторским вглядыванием в действительность, придавая ей своеобразную творческую интерпретацию.

Поэма Сергея Вакомина «По велению любви» — это еще одна наглядная яркая страница возвращенной нам России XX-го столетия, где по мере развития социальной готической формации все более возрастала роль норм, правил, привычек, кото-

рые складывались в прочные повседневные традиции, выработанные самим обществом в процессе сложных духовных исканий, глубоко корнями уходящими в прошлое. Ну, а то, что автор глядит на актуальные социальные проблемы с привычных для многих позиций, — здесь, наверно, «недоработки» самого времени. Важнее, что перед нами художественное свидетельство той поры, подлинность которого не вызывает у нас сомнений, хотя прямо в поэме и не заявлено.

Вот и хочется наполнить: все, что оголилось у автора поэмы («О том, что, зная лучше всех на свете, сказать хочу. И так как я хочу!»), имеет более широкий и серьезный смысл, наполненный философским содержанием, где об этом пишется не равнодушно, совестливо и с болью в душе. И прав, пожалуй, сургутский поэт Н. Социхин, когда в своей аннотации к книге «Вместо предисловия» пишет: «Книгу Сергея Вакомина (Сорокина) от-

крываешь не от желания почитать, а из соображения окунуться в лирическую стихию поэмы, в которой увлеченность автора жизнью, выливается в поэтические строки о красоте души нашего современника, твердо стоящего на земле.»

Думаю, что так оно и есть!

Душа поэта и сегодня в поиске, в борении. И это меня, читателя, радует, когда я у него читаю:

*И в этом есть святое что-то
непостижимое пока:
моя ударная работа
и в даль зовущая строка.*

Заканчивая, я и хочу сказать автору: До новых встреч!

(Владимир Бесперстов — член Союза журналистов, член международного Есенинского общества «РАДУНИЦА»)

г. Санкт-Петербург, сентябрь 2011 г.
(Публикуется в сокращении)

ПРЕДИСЛОВИЕ К СТАТЬЕ В.И. КУНТАШЕВА

Имя известного русского художника Виктора Ивановича Кунташева (1946–2002) на страницах журнала «Автограф» появляется не впервые. Но поскольку мы печатаем не статью о художнике, а его размышления на экслибрисные темы, познакомим читателей более основательно с самим художником.

Виктор Кунташев родился 16 июня 1946 года в городе Печенга Мурманской области, где ожидал демобилизации его отец, воевавший на Северном фронте в Заполярье.

Детские годы Виктора прошли на Вологодской земле. Высшее образование он получил на филологическом факультете Вологодского педагогического института. На студенческой скамье увлёкся рисованием экслибрисов. Поработав несколько лет школьным учителем, Виктор Кунташев получил приглашение на работу в газету «Новый путь» в городе Бокситогорск Ленинградской области, где и проработал четверть века ответственным секретарём и заместителем редактора. Эта работа пришлась ему по душе, ибо он смог сочетать журналистику с активным творчеством художника — графика.

С течением времени мощно раскрылось незаурядное дарование Виктора Кунташева как художника книги и первоклассного мастера книжного знака. Особенно активно он начал работать в жанре экслибриса, когда получил серьёзную поддержку председателя секции экслибриса и книж-

ной графики Центрального правления Всесоюзного общества книголюбов А. И. Калашникова, председателя Ленинградского клуба экслибрисистов и любителей графики В. В. Худолея, председателя клуба библиофилов «Прометей» в Ульяновске Н. И. Яценко. Именно эти крупные деятели экслибрисного движения в стране организовали первые персональные выставки экслибрисов Виктора Кунташева и познакомили с его замечательными работами широкие круги ценителей искусства графики, библиофилов и коллекционеров. Выходу работ Виктора Кунташева на международную арену всячески способствовал Анатолий Иванович Калашников, который очень высоко ценил оригинальные экслибрисы своего младшего коллеги.

Виктор Кунташев создал 400 экслибрисов. Принято считать, что художник рисовал свои книжные знаки тушью и затем их тиражировал в технике цинкографии. Недавно удалось найти в одном из писем художника разъяснение по этому поводу: «Техника у меня очень простая. На мелованной бумаге делаю тушью рисунок, потом по туши — гравировку резцом. И уже с этой работы — фоторепродукции». Так вот оно откуда впечатление от многих композиций экслибрисов Виктора Кунташева, что они созданы в технике ксилографии или гравюры на пластике!

В своих письмах Виктор Кунташев часто писал об искусстве экслибриса. Художник был твёрдо убеждён, что

экслибрис тоже можно сделать оружием в борьбе за идеалы. Что создание экслибрисов — его призвание и судьба, художник тоже отчётливо понимал, написав однажды самому близкому другу: «Так называемая графика малых форм — это, видимо, то, что мне уготовано в искусстве». Ему же, известному поэту Виктору Лапшину, художник писал: «Селивёрстов сомневался, что, работая в таком жанре, как экслибрис, можно как-то послужить России. А ведь я уже начал ей служить. Во всяком случае, работы, которые я отправил (для участия в Днях культуры РСФСР за рубежом — *В.Б.*), не посрамят ни души, ни ума русского человека». В другом письме Виктор Кунташев продолжил спор с художником Ю. И. Селивёрстовым (1940—1990) и в отношении оформления книг: «Был у меня по этому поводу спор с известным художником — иллюстратором Ю. Селивёрстовым. Он считает, что иллюстрация должна обладать самостоятельностью и отражать отношение художника к литературному произведению, его героям, сюжету, идее, теме. Я же считаю, что рисунок в книге должен играть вспомогательную роль и что его единственная задача — в том, чтобы писатель был правильно понят.

Писатель, а не художник. Это требование следует, мне кажется, предъявлять и к э к с л и б р и с у, так как он тоже относится к книжной графике. Только здесь идёт речь не о писателе, а о владельце книги».

В те прекрасные годы расцвета своего творчества Виктор Кунташев принимал попытки обосновать свои взгляды на искусство экслибриса не только в письмах к писателям, поэтам, историкам, друзьям и единомышлен-

никам, но и теоретически — в специальных статьях. Одну из них мы предлагаем вниманию наших читателей.

В статье «Что такое экслибрис?» художник высказывает своё понимание этого жанра искусства графики и книжной культуры. Хотелось бы обратить внимание на два любопытнейших момента в статье Виктора Кунташева. Художник чётко и ясно показывает, что искусство экслибриса возникло во второй половине XV века в Германии и в России. Говоря о первом русском рисованном экслибрисе 1493 года на книгах из библиотеки Соловецкого монастыря, Виктор Кунташев, благодаря богатой интуиции и фантазии художника, значительно расширяет символическое значение буквы «С», ставшей основой композиции этого уникального книжного знака. Он расшифровывает её как начало слова «Соловецкий», хотя до сих пор учёные — исследователи считали, что это начало текстовой части книжного знака, указывающей имя его владельца: «Священник Досифей», основатель библиотеки Соловецкого монастыря. Но как же исключительно раздвинула символическое содержание этого экслибриса замечательная догадка художника Виктора Кунташева!

Упоминая знаменитую коллекцию экслибрисов народного артиста СССР Бориса Михайловича Тенина, художник Виктор Кунташев упустил самую существенную деталь: это сугубо тематическое собрание книжных знаков — театр, кино, цирк, эстрада, балет, музыка — и в этом состоит уникальность этой коллекции.

Особое очарование статье В. И. Кунташева «Что такое экслибрис?» придаёт её заключительная часть. В ней ху-

дожник детально рассказывает книголюбам как изготовить экслибрис для своего книжного собрания или библиотеки. Художник был убеждён, что каждый человек может сам нарисовать книжный знак. Он вовлекал книголюбов в этот творческий процесс, понимая, что это может стать первой ступенькой их вхождения в мир экслибриса.

Виктор Иванович Кунташев прекрасно понимал, каким важнейшим предметом книжной культуры является экслибрис. Помещённый на форзаце любимой книги или альбома экслибрис является своеобразным художественным входом в мир увлекательного книжного пространства. Понимал замечательный художник и то, каким желанным коллекционным материалом является книжный знак — в первую очередь, для показа на самых престижных выставках. Не сомневался талантливый творец уникальных книжных миниатюр, что художественный экслибрис — самый лучший и красноречивый пропагандист книги и чтения.

Напоследок следует отметить, что успешная профессиональная деятельность В. И. Кунташева — художника книги и экслибриса началась после завершения в 1977 году учёбы в известной Художественной студии В. Н. Щукина в Ярославле. Здесь же состоялась и первая выставка произведений В. И. Кунташева. Поэтому художник вполне обоснованно считал себя воспитанником ярославской школы искусства графики, но всю жизнь В. И. Кунташев позиционировал себя вологжанином — по духу, воспитанию и образованию.

В. М. Бакуменко

ЧТО ТАКОЕ ЭКСЛИБРИС?

Книжный знак, или экслибрис (в переводе с латыни это слово значит «из книг»), — небольшое гравированное или рисованное клеймо с фамилией владельца книги. В том виде, каком мы его знаем, книжный знак существует уже пять столетий.

Первый дошедший до нас гравированный экслибрис обнаружен на книге, принадлежавшей германскому рыцарю Рорбаху и датированный 1460 годом. Знак библиотеки Соловецкого монастыря на одной из русских рукописных книг выполнен в 1493 году. Он представляет собой букву «С» («Соловецкий»), внутри которой вязью начертано имя основателя библиотеки — Досифея.

Развитию экслибриса, как особого вида графики малых форм, дали мощный толчок художники эпохи Возрождения Дюрер, Крахан, Гольбейн и другие великие мастера.

В последующие столетия искусством миниатюрной гравюры занимались многие художники. Среди отечественных авторов — немало знаменитостей: И. Билибин, В. Васнецов, М. Врубель, А. Бенуа. М. Добужинский... В наши дни искусство экслибриса обогатилось работами советских художников Е. Голяховского, А. Калашникова, А. Наговицына, В. Тоотса, Х. Аррака, В. Фролова и многих других мастеров книжной графики.

Как произведения искусства, экслибрисы стали предметом коллекционирования и международного обмена. Народный артист СССР Борис Тенин, например, собрал ни много ни мало — около 11 тысяч книжных знаков. Увлечение привело к тому, что Б. Тенин,

раньше никогда не замечавший у себя художественных склонностей, начал сам создавать книжные знаки. Любители и коллекционеры миниатюрной гравюры организовали свои секции и клубы. Художественные галереи и музеи устраивают выставки экслибриса.

В последние девять-десять лет в несколько раз увеличилось количество библиофилов. Казалось бы, чем больше спрос на книжные знаки и, значит, шире возможности у художников — графиков. Однако на деле вышло совсем не так. Круг владельцев ценных в художественном отношении экслибрисов внезапно сузился: ими оказались только публичные и музейные библиотеки да самые близкие друзья художников. Остальные заказчики стали обладателями дешёвых поделок, которые не представляют никакого интереса для коллекционеров. Так художники по-своему отреагиро-

вали на книжный бум, на эпидемию книгонакопительства.

Здесь, я думаю, позволительно отступление. Хорошую книгу редко удаётся купить. Но, как и всякий любитель чтения, я сторонник собирательства книг, причём выборочного. По моему глубокому убеждению, в каждом доме должен быть хотя бы десяток хороших литературных произведений (дело тут, в общем — то, даже не в самих произведениях, а в их авторах как личностях, в том, что они думают, как думают, зачем пишут, — вот что по-настоящему интересно), а также альбомов репродукций с произведений искусства, ценность которых неоспорима. Это важно не только в познавательных или эстетических целях, но и профилактических: общаясь время от времени с гениями, мы поневоле начинаем относиться к себе более критически. Однако если мы станем копить книги лишь для того, чтобы не выглядеть хуже других, мы ведь от этого не станем интеллигентнее...

Но вернёмся к теме. Итак, у всех свои библиотечки. Среди книг есть такие, которые нам чем-то особенно дороги и своё отношение к которым мы хотели бы подчеркнуть определённым знаком внимания. Хорошо, если есть возможность заказать экслибрис. А если нет? Мне кажется, выход тут простой: сделать самому (вспомните Бориса Тенина). Знаки бывают разные, и исполнение некоторых по силам каждому. Вот, например, знак-ярлык. Он не имеет украшений, в нём только слова «из книг» или «экслибрис» и фамилия владельца. Или вензелевый знак. В нём — переплетённые начальные буквы имени и фамилии. Здесь уместны украшения — рамки, виньетки, орнаменты. Это уже художественный знак. Или вот ещё один художест-

И. БАЛАНДИНА

ЛЮДМИЛА БАТЮК

венный знак — сюжетный. Он самый трудный в исполнении, потому что с рисунком: пейзажем, архитектурными сооружениями, различными предметами, сценами из литературных произведений и тому подобным. Именно в таком знаке удобнее всего отобразить мир своих интересов, увлечений.

Сюжетный знак может быть тематическим — с изображением исторических лиц и событий.

Как сделать книжный знак? Какие использовать материалы?

Не буду говорить о гравировании на дереве, меди или стали. Эта техника крайне сложна и требует профессиональных навыков. Есть способы доступнее.

Самый простой из них — нарисовать карандашом, а потом обвести тушью или фломастером знак-ярлык или знак вензель. Можно на цветной бумаге. И затем аккуратно вырезать, придав ему прямоугольную, круглую или другую форму.

Второй способ — нарисовать знак на кусочке линолеума (в зеркальном отражении), вырезать штихелем или просто острым ножом места, которые должны остаться белыми, и затем с этого клише изготовить оттиски с помощью чернил или типографской краски.

Третий способ — выполнить изображение чёрной тушью на белой бумаге (можно перерисовать какой-нибудь понравившийся рисунок из книги), затем сфотографировать и отпечатать.

В надписях лучше использовать не рукописные, а печатные шрифты. Буквы можно скопировать с газет и журналов. Наклеивать экслибрис нужно резиновым клеем на оборотной стороне верхней крышки переплёта.

Вот и всё. Попробуйте, обязательно получится.

АВТОГРАФ
Литературно-художественный журнал

62

Обществ. совет: Ю. П. Малоземов,
В. М. Бакуменко, Н. Т. Бушенев,
К. А. Павлов, Ю. Б. Максимов

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции.

Адрес для писем: 160000, г. Вологда, а/я 220.
E-mail: yurii_malozemov@mail.ru

Вологда
2012

